

ИВ. БУНИНЪ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
ПАРИЖЪ
1929

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Мистеріи	Берлинъ, 1921 г.
Пѣснь о Гайаватѣ	Парижъ, 1921 г.
Крикъ ..	Берлинъ, 1921 г.
Чаша жизни	Парижъ, 1921 г.
Господинъ изъ С. Франциско ...	Парижъ, 1921 г.
Роза Іерихона	Берлинъ, 1924 г.
Митина любовь	Парижъ, 1925 г.
Солнечный ударъ	Парижъ, 1926 г.
Послѣднее свиданіе	Парижъ, 1929 г.
Жизнь Арсеньева	(готовится къ печ.)

ИВ. БУНИНЪ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

ПАРИЖЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО « СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ »
«Annales Contemporaines» 106, rue de la Tour, Paris
1929.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

1900 — 1925

ПЪТУХЪ НА ЦЕРКОВНОМЪ КРЕСТЪ

Плыветь, течеть, бѣжить ладьей
 И какъ высоко надъ землей!
 Назадъ идетъ весь небосводъ,
 А онъ впередъ — и все поеть.

Поеть о томъ, что мы живемъ,
 Что мы умремъ, что день за днемъ
 Идутъ года, текутъ вѣка —
 Вотъ какъ рѣка, какъ облака.

Поеть о томъ, что все обманъ,
 Что лишь на мигъ судьбою данъ
 И отчій домъ, и милый другъ,
 И кругъ дѣтей, и внуковъ кругъ.

Поеть о томъ, что держитъ бѣгъ
 Въ чудесный край его ковчегъ,
 Что вѣчень только мертвыхъ сонъ
 Да Божій храмъ, да крестъ, да онъ.

Турэнь.

12. IX. 22.

Враждебныхъ полонъ тайнъ на взгорьѣ спящій лѣсъ.
Но мирно розовый мерцаетъ Антаресъ
На южныхъ небесахъ, куда прозрачнымъ дымомъ
Нисходитъ Млечный Путь къ лугамъ необозримымъ.
Съ опушки на луга гляжу изъ-подъ вѣтвей,
И дышетъ ночь тепломъ и сердце вѣрить ей, —
Колосьямъ Божьихъ нивъ, на гнѣздахъ смолкшимъ
птицамъ,
Мерцанью кроткихъ звѣздъ и ласковымъ зарницамъ,
Играющимъ огнемъ вокругъ нѣмой земли
Предъ взоромъ путника, звенящаго вдали
Валдайскимъ серебромъ, напѣвомъ беззаботнымъ
Въ просторѣ полевомъ, спокойномъ и дремотномъ.

1900.

ЛИСТОПАДЪ

Лѣсъ, точно теремъ расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзью
Блестятъ въ лазури голубой,
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь, въ листьѣ сквозной,
Просвѣты въ небо, что оконца.
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступаетъ въ пестрый теремъ свой.

Сегодня на пустой полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣтъ изъ серебра.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ;
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,

Что можно въ этой тишинѣ
 Разслышать листика шуршанье.
 Лѣсъ, точно теремъ расписной,
 Лиловый, золотой, багряный,
 Стоитъ надъ солнечной поляной,
 Завороженный тишиной;
 Заквохчетъ дроздь, перелетая
 Среди подсъда, гдѣ густая
 Листва янтарный отблескъ льетъ;
 Играя, въ небѣ промелькнетъ
 Скворцовъ разсыпанная стая —
 И снова все кругомъ замретъ.

Послѣднiя мгновенья счастья!
 Ужъ знаетъ Осень, что такой
 Глубокій и нѣмой покой
 Предвѣстникъ долгаго ненастья.
 Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
 И на зарѣ, когда съ заката
 Пурпурный блескъ огня и злата
 Пожаромъ теремъ освѣщаль.
 Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
 Луна восходитъ, а въ лѣсу
 Ложатся тѣни на росу...
 Вотъ стало холодно и бѣло
 Среди полянь, среди сквозной
 Осенней чаши помертвѣлой,
 И жутко Осени одной
 Въ пустынной тишинѣ ночной.

Теперь ужъ тишина другая:
 Прислушайся — она растеть,
 А съ нею, блѣдностью пугая,
 И мѣсяцъ медленно встаетъ.

Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
 Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ
 И вотъ ужъ смотреть прямо въ очи
 Съ туманной высоты небесь.
 О, мертвый сонъ осенней ночи!
 О, жуткій часъ ночныхъ чудесь!
 Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
 Свѣтло и пусто на полянѣ;
 Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
 Своей застывшей красотой
 Какъ будто смерть себѣ пророчить;
 Сова и та молчить: сидитъ
 Да тупо изъ вѣтвей глядитъ,
 Порою дико захохочетъ,
 Сорвется съ шумомъ съ высоты,
 Взмахнувши мягкими крылами,
 И снова сядетъ на кусты
 И смотреть круглыми глазами,
 Вода ушастой головой
 По сторонамъ, какъ въ изумленьи;
 А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣньи,
 Наполненъ блѣдной, легкой мглой
 И листьевъ сыростью гнилой...

Не жди: на утро не проглянетъ
 На небѣ солнце. Дождь и мгла
 Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманять, —
 Не даромъ эта ночь прошла!
 Но Осень затаитъ глубоко
 Все, что она пережила
 Въ нѣмую ночь, и одиноко
 Запрется въ теремъ своемъ:
 Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ,
 Пусть мрачны и ненастны ночи,

И на полянѣ волчьи очи
 Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
 Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
 Весь потемнѣлъ и полинялъ,
 Сентябрь, кружась по чашамъ бора,
 Съ него мѣстами крышу снялъ
 И входъ сырой листвою усыпалъ;
 А тамъ зазимокъ ночью выпалъ
 И таять сталъ, все умертвивъ...

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ.
 Звенить ихъ мѣдный переливъ,
 Какъ грустный вопль, среди широкихъ
 Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
 Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
 Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
 Угрюмо воетъ рогъ туринный,
 Скликая на добычу псовъ,
 И звучный гамъ ихъ голосовъ
 Разносить бури шумъ пустынный.
 Льетъ дождь, холодный, точно ледъ,
 Кружатся листья по полянамъ,
 И гуси длиннымъ караваномъ
 Надъ лѣсомъ держать перелетъ.
 Но дни идутъ. И вотъ ужъ дымы
 Встаютъ столбами на зарѣ,
 Лѣса багряны, недвижимы,
 Земля въ морозномъ серебрѣ,
 И въ горностаевомъ шугаѣ,
 Умывши блѣдное лицо,
 Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
 Выходитъ Осень на крыльцо.
 Дворъ пусть и холоденъ. Въ ворота,
 Среди двухъ высохшихъ осинъ,

Видна ей синева долинъ
 И ширь пустыннаго болота,
 Дорога на далекій югъ:
 Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
 Отъ зимней стужи и мятели
 Давно ужъ птицы улетѣли;
 Туда и Осень поутру
 Свой одинокій путь направить
 И навсегда въ пустомъ бору
 Раскрытый теремъ свой оставить.

Прости же, лѣсъ! Прости, прощай!
 День будетъ ласковый, хорошій,
 И скоро мягкою порошей
 Засеребрится мертвый край.
 Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
 Пустынный и холодный день
 И боръ, и теремъ опустѣлый,
 И крыши тихихъ деревень,
 И небеса, и безъ границы
 Въ нихъ уходящія поля!
 Какъ будутъ рады соболя
 И горностаи и куницы,
 Рѣзвась и грѣясь на бѣгу
 Въ сугробахъ мягкихъ на лугу!
 А тамъ, какъ буйный плясъ шамана,
 Ворвутся въ голую тайгу
 Вѣтры изъ тундры, съ океана,
 Гудя въ крутящемся снѣгу
 И завывая въ полѣ звѣремъ.
 Они разрушать старый теремъ,
 Оставятъ колья и потомъ
 На этомъ остовѣ пустомъ
 Повѣсятъ иinei сквозные,

Воздвигнуть арки кружевныя,
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяныя
И хрусталемъ и серебромъ.
А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожарь —
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіанья.

1900.

Быль поздній часъ — и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшюю землю,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеною змѣю.

Стремительный порывъ ее вознесъ.
Но мигъ одинъ — и въ темноту, въ забвеньё
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ
И медленно ихъ тихое паденьё.

1901.

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ,
Алмазь предутренней звѣзды
Блестить въ его прозрачномъ лонѣ.

И, какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожить звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуесть ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

1901.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое,
И паутиной пала тѣнь.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О мигъ счастливый, мигъ обманной,
Стократъ блаженная тоска!

1901.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лѣсомъ облако — и вдругъ
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокругъ.

Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладю дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется — и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!

Едва лишь добѣжимъ до чащи —
Все стихнетъ... О, росистый кустъ!
О, взоръ счастливый и блестящій
И холодокъ покорныхъ устъ!

1902.

Багряная печальная луна
Висит вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ съеть
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣеть.
Ужъ поздно — и какая тишина!

Мнѣ кажется, луна оцѣпенѣть:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣть.

Но меркнуть звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣть,
И въ ней луна столбомъ отражена.
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣть
И грустно въ воду смотрится она.

Поеть комаръ. Тепломъ и гнилью вѣть.

1902.

Обрывъ Яйлы. Какъ руки фурій,
Торчитъ надъ бездною изъ скалъ
Колючій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагаль.

И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

1903.

КАНУНЪ КУПАЛЫ

Не туманъ бѣлѣеть въ темной рошѣ,
 Ходить въ темной рошѣ Богоматерь,
 По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
 Собираетъ къ ночи Божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
 Да и то ужъ солнце на исходѣ:
 Застять ели черной хвоей западъ,
 Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро, пали тѣни,
 Ужъ луга синѣютъ, пали росы,
 Пахнетъ подъ росою медуница,
 Золотой вѣнецъ по рошѣ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
 Голубыя очи точно звѣзды.
 Соберетъ Она цвѣты и травы
 И снесетъ ихъ къ Божьему престолу.

Скоро ночь — имъ только ночь осталась,
 А на утро срѣжутъ ихъ косами,
 А не срѣжутъ — солнце сгубитъ зноемъ.
 Такъ и скажетъ Сыну Богоматери:

«Погляди, возлюбленное Чадо,
 Какъ земля цвѣла и красовалась!
 Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
 Въ мѣръ Смерть, она и Жизнью править.»

Но Христось Ей молвить: «Мать! не солнце,
Только землю тьма ночная кроетъ:
Смерть не сѣмя губить, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скосить Смерть — Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!»

1903.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЪЗДА

Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда
Воздвигла Смерть. Надъ чумомъ — ночь полгода.
И блѣдная Полярная Звѣзда
Горитъ недвижно въ безднѣ небосвода.

Вглядись въ туманный призракъ. Это Смерть.
Она сидитъ близъ чума, устремила
Незрячій взоръ въ полуночную твердь —
И навсегда Звѣзда надъ ней застыла.

1904.

РУССКАЯ ВЕСНА

Скучно въ лощинахъ березамъ,
Туманная муть на поляхъ,
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирušки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ среди улицы лужи,
Зола и весенняя грязь,
Въ избахъ угарь, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.

Жмурясь, сидить у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ — темно отъ угара,
Туманно и тихо — въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день.
Въ полѣ тепло и дремотно,
А въ сердцѣ счастливая лѣнь.

1905.

Мы встрѣтились случайно, на углу.
Я быстро шель — и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.

На ней былъ крепъ, — прозрачный легкій газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ бывшее оживленье.

И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила
И скрылась за угломъ... Была весна...
Она меня простила — и забыла.

1905.

ОГОНЬ НА МАЧТѢ

И сладостно и грустно видѣть ночью
На корабльъ далекомъ въ темномъ морѣ
Въ ночь уходящій топовый огонь.
Когда все спитъ на дачѣ и сквозь сумракъ
Однѣ лишь звѣзды свѣтятся, я часто
Сажу на старой каменной скамейкѣ,
Надъ скалами обрыва. Ночь тепла
И такъ темно, такъ тихо все, какъ будто
Нѣтъ ни земли, ни неба — только мягкій
Глубокій мракъ. И вотъ вдали, во мракѣ,
Идетъ огонь — какъ свѣчечка. Ни звука
Не слышно на побережьѣ, — лишь сверчки
Звенятъ въ горѣ чуть уловимымъ звономъ,
Будя въ душѣ задумчивую нѣжность,
А онъ уходитъ въ ночь и одиноко
Виситъ на горизонтѣ, въ темной безднѣ
Межъ небомъ и землею... Пойте, пойте,
Сверчки, мои товарищи ночные,
Баюкайте мою ночную грусть!

1905

ПОСЛѢ ДОЖДЯ

Все море — какъ жемчужное зеркало,
Сирень съ отливомъ млечно-золотымъ.
И какъ тепло передъ закатомъ стало
И какъ душистъ надъ саклей тонкій дымъ!

Вонъ чайка съла въ бухточкѣ скалистой, —
Какъ поплавокъ. Взлетаетъ иногда
И видно, какъ струею серебристой
Сбѣгаетъ съ лапокъ розовыхъ вода.

У береговъ въ водѣ застыли скалы,
Подъ ними свѣтитъ жидкій изумрудъ,
А тамъ, вдали — и жемчугъ и опалы
По золотистымъ яхонтамъ текутъ.

1905

Въ лѣсу, въ горѣ родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ березовый корецъ.

Я не люблю, о, Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя, родимыя черты!

1905.

Черныя ели и сосны сквозятъ въ палисадникѣ темномъ:
Въ черномъ узорѣ вѣтвей — мѣсяца рогъ золотой.

Слышу поютъ пѣтухи. Узнаю по напѣвамъ печальнымъ
Поздній, таинственный часъ. Выйду на снѣгъ, на
крыльцо.

Замерло все и застыло, лучатся жестокия звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху,

Только бы видѣть тебя, умирающей въ золотѣ мѣсяцъ,
Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ

И самоцвѣты небесъ: янтарно-зеленый Юпитеръ,
Сиріусъ, дерзкій сапфиръ, синимъ горящій огнемъ,

Альдебарана рубинъ, алмазную цѣпь Оріона
И уходящій въ моря призракъ серебристый — Арго.

1905.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Въ нихъ шель олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.

Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталь тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ —
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.

Вотъ снова слѣдъ, размѣренный и рѣдкій,
И вдругъ — прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ — и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу...

О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно-звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

1905.

СТАМБУЛЬ

Облѣзлые худые кобели
Съ печальными, молящими глазами —
Потомки тѣхъ, что изъ степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Быль побѣдитель славень и богатъ
И затопилъ онъ шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьградъ,
И предался, какъ сытый левъ, покою.

Но дни летять, летять быстрѣе птицъ!
И вотъ уже въ Скутари на погостѣ
Чернѣетъ лѣсъ, и тысячи гробницъ
Бѣлѣють въ кипарисахъ, точно кости.

И прахъ вѣковъ упалъ на прахъ святынъ,
На славный городъ, нынѣ полудикій,
И вой собакъ звучить тоской пустынь
Подъ византійской ветхой базиликой.

И пусть Сераль, и смолкъ его фонтанъ,
И высохли столѣтнія деревья...
Стамбуль, Стамбуль! Послѣдній мертвый станъ
Послѣдняго великаго кочевья!

1905.

Огромный, красный, старый пароходъ
У мола сталь, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣть моль и, радостно синѣя,
Безоблачный сіяетъ небосводъ.

Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Сквозной водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ. И спитъ пахучій портъ,
Спятъ грузчики. Бѣлѣть моль безлюдный.

Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ ракушкахъ. Ихъ слой зелено-ржавый
Наросъ давно... у Суматры, у Явы,
Въ Великомъ океанѣ... въ зной и штиль.

Мальчишка негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадѣ, по борту, краситъ бакъ —
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальня восходятъ арабески.

И лакъ блеститъ подъ черною рукой,
Слѣпить глаза... И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поетъ... Простой напѣвъ Судана
Звучитъ въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

1906.

Люблю цвѣтныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столѣтнихъ липъ,
Звенящей люстры сѣрый коконъ
И половицъ прогнившихъ скрипъ.

Люблю неясный винный запахъ
Изъ шифоньерокъ и отъ книгъ
Въ стеклянныхъ невысокихъ шкапахъ,
Гдѣ рядомъ Сю и Патерикъ.

Люблю ихъ синія странички,
Ихъ четкій шрифтъ, простой наборъ,
И серебро иконъ въ божничкѣ,
И въ горкѣ матовый фарфоръ,

И васъ, и васъ, дагеротипы,
Черты давно поблекшихъ лицъ,
И сумракъ отъ столѣтней липы,
И скрипъ прогнившихъ половицъ.

1906.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Но розовѣетъ пепель небосклона
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь кипариса у балкона.

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море.

Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ, двѣ турецкихъ бригантины.
Вотъ поднимаютъ парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы — изумруды и рубины.

Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

1906.

УТРО

И скрипъ и визгъ надъ бухтой, наводненной
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытьѣ, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ реяхъ крыльями тугими,
Иль бѣлюю яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучь, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканить грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплеть въ море золотомъ кипящимъ.

1906.

Проснусь, проснусь — за окнами, въ саду,
Все тотъ же снѣгъ, все тотъ же блескъ полярный.
А въ залѣ сумракъ. Слушаю и жду:
И вотъ опять — таинственный, коварный,
Чуть слышный трескъ... Конечно, полъ иль мышь.
Но какъ насторожишься, какъ слѣдишь
За кѣмъ-то, притаившимся у двери
Въ повисшей безъ движенія портьерѣ!
Но *онъ* молчить, *онъ* замеръ. Тюль гардинъ
Сквозить въ голубоватомъ лунномъ блескѣ
Да чуть мерцаютъ — искорками льдинъ —
Подъ люстрами стеклянная подвѣски.

1906.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ

Дѣвушки-русалочки,
 Нынче нашъ послѣдній день!
 Свѣтъ за лѣсомъ занимается,
 Поблѣднѣли небеса,
 Собираются съ дубинами
 Мужики изъ деревень
 На опушку, къ морю сизому
 Холоднаго овса...

Мы изъ рѣчки — на долину,
 Изъ долины — по отвѣсу,
 По березовому лѣсу —
 На равнину,
 На востокъ, на ранній свѣтъ,
 На серебряный разсвѣтъ,
 На овсы,
 Вдоль по жемчугу
 По сизому росы!

Дѣвушки-русалочки,
 Звонко стало по лугамъ.
 Заблѣла рѣчка въ сумракъ,
 Въ алѣющемъ пару,
 Пнями пахнетъ лѣсъ березовый
 По откосамъ, берегамъ, —
 Густъ и зеленъ онъ, кудрявый,
 Поутру...

Поутру вода тепла,
 Холодна трава сѣдая,
 Вся медовая, густая,
 Да идутъ на насъ съ дрекольемъ изъ села.

Что жъ! Мы стаей на откосы,
 На опушку — изъ березъ,
 На бѣгу растреплемъ косы,
 Упадёмъ съ разбѣга въ росы
 И до слезъ
 Щекотать другъ друга будемъ,
 Хохотать и, на зло людямъ,
 Мять овесъ!

Дѣвушки-русалочки,
 Стойте, поглядите на разсвѣтъ:
 Бѣль-востокъ алѣетъ, ширится, —
 Широко зарей въ поляхъ,
 Ни души-то нѣту, милыя,
 Только ранній алый свѣтъ
 Да холодный крупный жемчугъ
 На стебляхъ...

Мы, нагя,
 Всѣмъ чужія,
 На опушкѣ, на полянѣ,
 Блѣдны, по поясъ въ пару, —
 Намъ пора, сестрицы, къ нянѣ,
 Ко двору!
 Жарко въ небѣ солнце Божье
 На Петровъ играетъ день,
 До Ильи сулить бездожде,
 Пыль, сухмень —
 Будутъ знойныя зарницы
 Зарить хлѣбъ,
 Будетъ омутъ нашъ, сестрицы,
 Темень, слѣпъ!

Ограда, крестъ, зеленая могила,
Роса, просторъ и тишина полей...
— Благоухай, звенящее кадило,
Дыханіемъ рубиновыхъ углей!

Сегодня годъ Послѣдніе напѣвы,
Послѣднй вздохъ послѣдній фиміамъ...
— Цвѣтите, зрѣйте, новые посѣвы,
Для новыхъ жатвъ! Придетъ чередъ и вамъ.

1906

Растеть, растеть могильная трава,
Зеленая, веселая, живая,
Омыла плиты влага дождевая
И мохъ покрылъ ненужныя слова.

По вечерамъ заплакала сова,
Къ моей душѣ забывчивой взывая,
И старый склепъ, руина гробовая,
Таить укорь... Но ты, земля, права!

Какъ нѣжны на алѣющемъ закатѣ
Кремля далекихъ синихъ облаковъ!
Какъ вырѣзаны крылья вѣтряковъ
За темною долиною на скатѣ!

Земля, земля! Весенній сладкій зовъ!
Ужель есть счастье даже и въ утратѣ?

1906.

ВАЛЬСЪ

Похолодѣли лепестки
Раскрытыхъ губъ, по-дѣтски влажныхъ —
И заль плыветь, плыветь въ протяжныхъ
Напѣвахъ счастья и тоски.

Сіянье люстръ и зыбь зеркаль
Слились въ одинъ миражъ хрустальный —
И вѣеть, вѣеть вѣтеръ бальный
Тепломъ душистыхъ опахаль.

1906.

ДІЯ

Штиль въ безгранично-свѣтломъ Акъ-Денизѣ.
 Зацвѣлъ миндаль. Въ аулѣ тишина
 И теплый блескъ. Въ мечети на карнизѣ,
 Воркуя, ходять, ходять турмана.

Пригрѣтый лаской солнечнаго свѣта,
 Сегодня въ полдень слаще и грустнѣй,
 Задумчивѣй, чѣмъ прежде, съ минарета
 Пѣлъ муэззинъ... И все слѣдилъ за ней.

А гдѣ она? На скатѣ подѣ утесомъ
 Журчитъ фонтанъ. Идутъ оттуда внизъ
 Уступы крышъ по каменнымъ откосамъ
 И безграничный виденъ Акъ-Денизъ.

Она ужь тамъ. И весель и спокоенъ
 Взглядъ быстрыхъ глазъ. Легка, какъ горный джинъ.
 Подѣ шелковымъ бешметомъ дѣтски-строенъ
 Высокій станъ... Она нальетъ кувшинъ,

На камень сбросить красныя папучи
 И будетъ мыть, топтать въ водѣ бѣлье...
 — Журчи, журчи, звени, родникъ пѣвучій,
 Она глядится въ зеркало твое!

1907.

ПРОВОДЫ

Забиль буграми жемчугъ, заclubился,
Взрывая малахиты подь рулемъ.
Земля плыветь. Отходить, отдѣлился
Высокій борть. И мы назадъ плывемъ.

Моль опустѣль. На соръ и зерна жита,
Свистя, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожить корма, и длинный жезль бугшприта
Отходить и чертить по небесамъ.

А мнѣ куда? Мартъ, сумерки... Къ вечернѣ
Звонять въ порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вонъ огонекъ въ тавернѣ...
Но, нѣтъ, домой. Я пьянъ и безъ вина.

1907.

ГЕРМОНЪ

Великій Шейхъ, сѣдой и мощный другъ,
Ты видишь все: пустыню Джаулана,
Генисареть, долины Іордана
И Божій домъ, ветхозавѣтный Лузь.

Какъ бѣлый шелкъ сіяетъ твой бурнусъ
Надъ синевой далекаго Ливана,
И самъ Христось, смиренный Іисусъ,
Дышалъ тобою, радость каравана.

Въ скалистыхъ нѣдрахъ спитъ Генисареть
Подъ сѣрою стѣной Тиверіады.
Повсюду жаръ, палящій блескъ и свѣтъ
И допотопныхъ кактусовъ ограды:

На пыльную дорогу въ Назареть
Одинъ ты вѣешь сладостью прохлады.

1907.

На пути подъ Хеврономъ,
Въ каменистой широкой долинь,
Гдѣ по скатамъ и склонамъ
Вѣковыя маслины сѣрѣли на глинѣ,
Поздней ночью я слышалъ
Плачь ребенка — шакала...
Изъ-подъ черной палатки я вышелъ,
И душа моя долго искала
Хоть единой мнѣ близкой души въ полумракѣ...
Но уснули верблюды, собаки
И арабы въ палаткѣ... Свѣтили
Молчаливыя звѣзды надъ старой
Позабытой землею... Въ могилѣ
Почиваль Авраамъ съ Исаакомъ и Саррой...
И темно было въ древней гробницѣ Рахили.

1907.

ГРОБНИЦА РАХИЛИ

«И умерла, и схоронилъ Іаковъ
Ее въ пути...» И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.

Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполь гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственную блѣдностью одѣтъ.

Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣло
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ, женственномъ и бѣломъ...

Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

1907.

ИЕРУСАЛИМЪ

Это было весной. За восточной стѣной
Быль горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
Макъ кропилъ огоньками траву.

И сказалъ проводникъ: «Господинъ! Я еврей
И, быть-можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
Это все, что осталось намъ.»

Я спросилъ: «На цвѣты?» И услышалъ въ отвѣтъ:
«Господинъ! Это праотцевъ слѣдъ,
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ, какъ весна,
Краснымъ макомъ восходитъ она.»

Въ полдень былъ я на кровлѣ. Кругомъ, подо мной,
Тоже кровлей, — единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песокъ, — возлежалъ
Древній городъ и зноемъ дышалъ.

Одинокая пальма вставала надъ нимъ
На холмѣ опахаломъ своимъ,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видѣлъ страну.

Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
Въ дымкѣ сизаго мглистаго сна,
И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу —
Ленту Мертвой воды, бирюзу.

«Отъ Галгала до Газы, сказалъ проводникъ,
Край отцевъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
Иудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.

Врагъ разрушилъ Сионъ. Городъ тлѣлъ и сгоралъ —
И пророкъ Іеремія собралъ
Теплый прахъ, прахъ золы, въ погасавшемъ огнѣ
И разсѣялъ его по странѣ:

Да родить край отцовъ только камень и макъ!
Да исчахнеть въ немъ всяческій злакъ!
Да пребудеть онъ голь, засушень, нелюдимъ —
До прихода Реченнаго Имъ!»

1907.

ХРАМЪ СОЛНЦА

Шесть золотистыхъ мраморныхъ колоннъ,
Безбрежная зеленая долина,
Ливанъ въ снѣгу и неба синій склонъ.

Я видѣлъ Ниль и Сфинкса-исполина,
Я видѣлъ пирамиды: ты сильнѣй,
Прекраснѣй, допотопная руина!

Тамъ глыбы желто-пепельныхъ камней,
Забытая могила въ океанѣ
Нагихъ песковъ. Здѣсь радость юныхъ дней.

Патріархально-царственные ткани —
Снѣговъ и скалъ продольные ряды —
Лежать, какъ пестрый талесъ, на Ливанѣ.

Подъ нимъ луга, зеленые сады
И сладостный, какъ горная прохлада,
Шумъ быстрой малахитовой воды.

Подъ нимъ стоянка перваго Номада,
И пусть она забвенна и пуста:
Безсмертнымъ солнцемъ свѣтитъ колоннада.

Въ блаженный край ведутъ ея врата.

Баальбекъ.

6. V. 07.

ТЕЗЕЙ

Тезей уснулъ въ вѣнкѣ изъ миртъ и лавра.
Зыбь клонить мачту въ черныхъ парусахъ.
Зеленымъ золотомъ горитъ звѣзда Кентавра
На южныхъ небесахъ.

Забывъ о ней, гребцы склоняютъ вѣжды,
Поютъ въ дремотѣ сладкой... О, Тезей!
Вновь пропиталь Кентаврѣ ткань праздничной одежды
Палящимъ ядомъ змѣй.

Мы въ радости довѣрчивы, какъ дѣти.
Нась тѣшить миртъ, пьянить побѣдный лавръ.
Одинъ Эгей не спалъ надъ моремъ въ звѣздномъ свѣтѣ,
Когда всходилъ Кентаврѣ.

1907.

СМЕРТЬ

Въ апрѣльскій жаркій полдень, по кремнистой
Дорогѣ межъ цвѣтущими садами,
Пришелъ монахъ, высокій Францисканецъ,
Къ монастырю надъ синимъ южнымъ моремъ.
Душистыя глицинии и розы
Висѣли на оградѣ, а за нею
По мрамору скользили пятна свѣта.
«Кто тамъ?» — сказалъ привратникъ изъ-за двери.
— «Братъ во Христѣ», — отвѣтилъ Францисканецъ.
«Кого вамъ надо?» — «Брата Габріэля». —
«Онъ нынче занятъ — пишетъ Воскресенье.»
Тогда монахъ сорвалъ съ ограды розу,
Швырнулъ во дворъ — и съ недовольнымъ видомъ
Пошелъ назадъ. А роза за оградой
Разсыпалась на мраморъ чернымъ пепломъ.

1907.

СЛѢПОЙ

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
 Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
 Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
 Держась рукой за плечико мальчишки.

И звонкимъ альтомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
 Поеть, кричитъ мальчишка, — о прекрасномъ
 Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ,
 Подъ недовольный, мрачный басъ калѣки.

«Вы пожалѣйте, плачетъ альтъ, бездомныхъ!
 Вы наградите, люди, сирыхъ, темныхъ!»
 И басъ грозить: «Въ аду, въ огнѣ сгорите!
 На пропитанье наше сотворите!»

И, угрожая, властнымъ, мѣрнымъ шагомъ
 Идетъ къ избушкѣ ветхой надъ оврагомъ,
 Надъ скудной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
 А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
 Рукою ищетъ грошикъ завалящій
 И жалко плачетъ, сморщивая брови,
 Объ окаянной грѣшницѣ Прасковѣѣ.

1907.

НОВЫЙ ХРАМЪ

По алтарямъ, пустымъ и бѣлымъ,
Весенній вѣтеръ дулъ на насъ,
И кто-то сверху капаль мѣломъ
На золотой иконостасъ.

И звучный гулъ бродилъ въ колоннахъ,
Среди лѣсовъ. И по лѣсамъ
Мы шли въ широкихъ балахонахъ,
Съ кистями, въ куполь, къ небесамъ.

И часто, вмѣстѣ съ малярами,
Тамъ пѣли пѣсни. И Христа,
Что слушалъ насъ въ веселомъ храмѣ,
Мы написали не спроста.

Намъ все казалось, что подъ эти
Простыя пѣсни вспомнить Онъ
Порогъ на солнцѣ въ Назаретѣ,
Верстакъ и кубовый хитонъ.

1907.

БОГЪ

Дуль съ моря бризь и мѣсяць чистымъ рогомъ
Стояль за длинной улицей села.
Отъ хаты тѣнь лежала за порогомъ,
А хата блѣдно-бѣлою была.

Дуль южный бризь и ночь была тепла.
На отмеляхъ, на берегу отлогомъ,
Волна, шумя, вела бесѣду съ Богомъ,
Не поднимая соннаго чела.

И мѣсяць наклонялся къ балкѣ темной,
Грустя, свѣтилъ на скалы, на погость.
А Богъ былъ ясенъ, радостенъ и простъ.

Онъ въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездомной —
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба, чистой и огромной.

7. VI. 08.

САВАОЕЪ

Я помню сумракъ каменныхъ аркадь,
 Въ срединѣ свѣтъ — и красный блескъ атласа
 Въ сквозномъ узорѣ старыхъ царскихъ вратъ,
 На золотой стѣнѣ иконостаса.

Я помню куполь грубо-голубой:
 Тамъ Саваоеъ, съ простертыми руками,
 Надъ скудною и темною толпой,
 Цариль межъ звѣздъ, повитыхъ облаками.

Былъ вечеръ, мартъ, сіяла синева
 Изъ узкихъ оконъ, въ куполѣ пробитыхъ,
 Мертво звучали древнія слова.

Весенній отблескъ былъ на скользкихъ плитахъ —
 И грозная сѣдая голова
 Текла межъ звѣздъ, туманами повитыхъ.

28. VII. 08.

ГАЛЬЦІОНА

Когда въ волнѣ мелькнулъ онъ мертвымъ ликомъ,
Къ нему на сердце кинулась она —
И высоко, съ двойнымъ звенящимъ крикомъ,
Двухъ бѣлыхъ чаекъ вынесла волна.

Когда зимой, на этомъ взморѣ дикомъ,
Крутая зыбь мутна и солонна,
Онѣ скользятъ въ ея пучину съ крикомъ —
И высоко выносить ихъ волна.

Но есть семь дней: смолкаетъ Гальціона,
И для нея щадитъ пловцовъ Эоль.
Какъ серебро, свѣтло морское лоно,
Чернѣетъ степь, на солнцѣ дремлетъ воль.

Семь мирныхъ дней проводить Гальціона
Въ камняхъ, въ гнѣздѣ. И внуковъ ждетъ Эоль.

28. VII. 08.

ВЪ АРХИПЕЛАГЪ

Осенній день въ лиловой крупной зыби
Блисталь, какъ мѣдь. Эоль и Посейдонъ
Вели въ снастяхъ пѣвучій долгій стонъ,
И нашъ корабль нырять подобно рыбѣ.

Вдали былъ мысъ. Высоко на изгибѣ,
Сквозя, вставаль неровный рядъ колоннъ.
Но пѣсня рей меня клонила въ сонъ —
Корабль нырять въ лиловой крупной зыби.

И что мнѣ въ томъ, что это старый храмъ,
Что на мысу — забытый портикъ Феба?
Запомнилъ я лишь рядъ колоннъ да небо.

Дымъ облаковъ курился по горамъ,
Пустынный мысъ былъ схожъ съ ковригой хлѣба.
Я жилъ во снѣ. Боговъ творилъ я самъ.

12. VIII. 08.

ГОРНЫЙ ЛѢСЪ

Вечерній часъ. Въ долину тѣнь сползла.
Сосною пахнетъ. Чисто и глубоко
Надъ лѣсомъ небо. Млечный змѣй потока
Шуршитъ слышнѣй вдоль бѣлаго русла.

Слышнѣй звенить далекій плачь козла.
Острѣй стрекочетъ легкая сорока.
Гора, весь день глядѣвшая съ востока,
Свой алый пикъ высоко унесла.

На ней молились Волчьему Зевесу.
Не разъ, не разъ съ вершины этихъ скалъ
И дымъ вставалъ, и пѣли гимны лѣсу,
И мѣдный ножъ въ рукахъ жреца сверкалъ.

Я тихо поднялъ древнюю завѣсу.
Я въ храмъ отцовъ забытый путь искалъ.

14. VIII. 08.

ІЕРИХОНЪ

Скользять, текуть огни зеленыхъ мухъ.
Надъ Мертвымъ моремъ знойно и туманно
Отъ блеска звѣздъ. Песокъ вдали — какъ манна.
И смутный гуль, дрожа, колдуетъ слухъ.

То ропоть жабъ. Онъ длится неустанно,
Зоветь, томить... Но часъ полночный глухъ.
Внимаетъ имъ, быть можетъ, только Духъ
Среди камней въ пустынь Іоанна.

Тамъ, между звѣздъ, чернѣетъ острый пикъ
Горы Поста. Чуть теплится лампадка.
Внизу истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнутъ. Сахарный тростникъ
Горитъ отъ мухъ... И дремлетъ Лихорадка,
Подъ жабій бредъ откинувъ блѣдный ликъ.

14. VIII. 08.

КАРАВАНЪ

Звонъ на верблюдахъ, ровный, полусонный,
Звонъ бубенцовъ подобенъ роднику:
Течеть, течеть струею отдаленной,
Баюкая дорожную тоску.

Давно затихъ базаръ неугомонный.
Луна межъ пальмъ сіяетъ по песку.
Подъ этотъ звонъ, глухой и однотонный,
Вожакъ прилежъ на жесткую луку.

Вотъ потянуло вѣтромъ, и свѣжѣе
Вздохнула ночь... Какъ сладко спать въ сѣдлѣ,
Прильнувъ лицомъ къ верблюжьей теплой шеѣ!

Луна зашла. Поетъ пѣтухъ въ Рамлѣ.
И млечной синью горы Іудеи
Свой зыбкій кряжъ означили во мглѣ.

15. VIII. 08

ДОЛИНА ИОСАФАТА

Отрада смерти страждущимъ дана.
Вы побѣлѣли, странники, отъ пыли,
Среди враговъ, въ чужихъ краяхъ вы были.
Но вотъ вамъ отдыхъ, миръ и тишина.

Гора полдневнымъ солнцемъ сожжена,
Русло Кедрона вѣтры изсушили.
Но въ прахъ отцовъ вы посохи сложили,
Вась обрѣла родимая страна.

Въ ней спять цари, пророки и левиты.
Въ блаженныя обители ея
Всѣхъ, что въ плѣну и что мечомъ убиты,
Сбираетъ милосердный Судія.

По жесткимъ склонамъ каменныя плиты
Стоять раскрытой книгой бытія.

ЛЮЦИФЕРЪ

Въ святой Софіи голуби летали,
Гнусиль мулла. Эректеонъ былъ нѣмъ.
И боги гомерическихъ поэмъ
Въ пустыхъ музеяхъ стили и скучали.

Великій Сфинксъ, исполненный печали,
Лежалъ въ пескахъ. Израиль, чуждый всѣмъ,
Сбиралъ, рыдая, ржавыя скрижали.
Христось покинулъ жадный Вифлеемъ.

Вотъ Рай, Ливанъ. Разсвѣтъ горитъ багряно.
Снѣгъ горъ — какъ шелкъ. По скатамъ изъ пещеръ
Текутъ стада. Въ лугахъ — моря тумана...

Миръ Авеля! Дни чистыхъ дѣтскихъ вѣръ!
Изъ-за нагихъ хребтовъ Антиливана
Блится, угасая, Люциферъ.

20. VIII. 08

ИМРУ - УЛЬ - КАЙСЪ

Ушли съ разсвѣтомъ. Опустили
Песчаные бугры.
Ползъ синій дымъ. И угли кровью рдѣли
Тамъ, гдѣ вчера чернѣли ихъ шатры.
Я слѣзъ съ сѣдла — и пряный запахъ дыма
Меня обвѣялъ теплотой.
При блескѣ солнца былъ невыразимо
Красивъ огонь прозрачно-золотой.

Долина сѣрая, нагая,
Какъ пахъ осла. Въ колодецѣ гниль и грязь.
Изъ-за бугровъ моря текутъ, сверкая
И мутно серебрясь.
Но тутъ семь дней жила моя подруга:
Я сѣлъ на холмъ, гдѣ былъ ея наметъ.
Тутъ вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и юга —
Онъ милый слѣдъ не замететь.

Ночь тишиной и мракомъ истомила.
Когда конецъ?
Ночь, какъ верблюдь, легла и отдалила
Отъ головы крестецъ.
Песокъ остылъ. Холодный, безотвѣтный,
Скользить въ рукѣ, какъ змѣй.
Горить, играетъ перстень самоцвѣтный —
Звѣзда любви моей.

21. VIII. 08

Открыты окна. Въ бѣлой мастерской
Слѣды отъѣзда: соръ, клочки конверта.
Въ углу стоитъ прямой скелетъ мольберта.
Изъ оконъ тянетъ свѣжестью морской.

Дни все свѣтлѣй, все тише, золотистѣй —
И ни полямъ, ни морю нѣтъ конца.
Съ корявой, старой груши у крыльца
Спадають розовые листья.

28. VIII. 08

ПОСЛѢ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ

На темномъ рейдѣ струнный ладъ,
Огни и пѣсни въ Катанеѣ...
Въ дни скорби любимъ мы нѣжнѣе,
Канцоны сладостнѣй звучать.

И величаво-одинокъ
На звѣздномъ небѣ конусъ Этны,
Гдѣ таетъ блѣдный, чуть замѣтный,
Чуть розовѣющій вѣнокъ.

15. IV. 09

Въ мелколѣсьи пѣло глухо, строго,
 Вмѣстѣ съ ночью туча надвигалась,
 По кустамъ, на тучу, шла дорога,
 На вѣтру листва, дрожа, мѣшалась...
 Лѣшій зорко въ темь глядѣль съ порога.

Онъ сидѣль и слушалъ, какъ кукушки
 Хриплымъ смѣхомъ гдѣ-то хохотали,
 Какъ визжали совы и съ опушки,
 Послѣ блеска, гулы долетали...
 Дѣдь-колдунъ, какъ мертвый, спалъ въ избушкѣ.

Одностволка на столѣ лежала
 Вмѣстѣ съ жесткой, черной коркой хлѣба,
 Какъ бѣльмо, окошко отражало
 Скудный свѣтъ нахмуреннаго неба...
 Надъ окошкомъ шарило, шуршало.

И пока шуршало, дѣду снилось,
 Что въ печуркѣ, гдѣ лежать онучи,
 Загорѣлось: тлѣеть, задымилось...
 И сухимъ огнемъ сверкали тучи
 И въ стекло угрюмо муха билась.

25. V. 09

СЪНОКОСЪ

Среди двора, въ батистовой рубашкѣ,
 Стоялъ барчукъ и, шурясь, звалъ: «Корней!»
 Но дворъ былъ пустъ. Двѣ пѣгя дворняжки,
 Шенки, катались въ сѣнѣ. Все синѣй
 Надъ крышами и садомъ небо млѣло,
 Какъ сказочная сонная рѣка,
 Все горячѣй палило зноемъ тѣло,
 Все радостнѣй бѣлѣли облака
 И все душнѣй благоухало сѣно...

«Корней, сѣдай!» — Но нѣтъ, Корней въ лѣсу,
 Осталась только скотница Елена
 Да пчельникъ Дронь... Шенокъ замаялъ осу
 И сѣно взрылъ... Молочный голубь комомъ
 Упалъ на крышу скотнаго варка...
 Вездѣ открыты окна... А надъ домомъ
 Такъ серебрится тополь, такъ ярка
 Листва вверху — какъ будто изъ металла,
 И воробьи шныряютъ то изъ зала,
 Въ тѣнистый палисадникъ, въ бересклетъ,
 То снова въ залъ... Покой, лазурь и свѣтъ...

Въ конюшнѣ полусумракъ и прохладно,
 Навозомъ пахнетъ, сбруей, лошадьми,
 Касаточки щебечуть... И Ами,
 Соскучившись, тихонько ржетъ и жадно
 Косить свой глазъ лилово-золотой
 Въ рѣшетчатую дверку... Стременами

Звенить барчукъ, поднявъ сѣдло съ уздой,
 Кладеть, подпруги ловить — и ушами
 Прядеть Ами, вдругъ сдѣлавшись стройнѣй
 И выходя на солнце. Тамъ къ кадушкѣ
 Склоняется, — блескъ, небо видитъ въ ней
 И долго пѣть... И солнце жжетъ подушки,
 Луку, потникъ, играя въ серебрѣ...

А черезъ часъ заходятъ побирушки:
 Слѣпой и мальчикъ. Оба на дворѣ
 Сидятъ какъ дома. Мальчикъ босоногій
 Заглядываетъ въ окна, на порогѣ
 Стоитъ и медлить... Робко входитъ въ залъ,
 Съ восторгомъ смотреть въ свѣтлый міръ зеркаль,
 Касается до клавишь фортепьяно —
 И, вздрогнувъ, замираетъ: звонко, странно
 И весело въ хоромѣхъ! — На балконѣ
 Открыта дверь, и солнце жаркимъ свѣтомъ
 Зажгло паркетъ, и глубоко паркетомъ
 Зеркальный отблескъ двери отраженъ,
 И воробьи крикливою станицей
 Пронесутся у самага стекла
 За золотой, сверкающею птицей,
 За иволгой, скользящей, какъ стрѣла...

СОБАКА

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклѣй
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный дворъ, на снѣгъ, прилипшій къ рамѣ,
На метлы гулкихъ, дымныхъ тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплѣй
У ногъ моихъ — и думаешь... Мы сами
Томимъ себя — тоской иныхъ полей,
Иныхъ пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мнѣ:
Сѣдое небо, тундры, льды и чумы
Въ твоей студеной дикой сторонѣ.

Но я всегда дѣлю съ тобою думы:
Я человѣкъ: какъ богъ, я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

МОГИЛА ВЪ СКАЛѢ

То было въ полдень, въ Нубіи, на Нилѣ.
 Пробыли входъ, затеплили огни —
 И на полу предверія, въ тѣни,
 На голубомъ и тонкомъ слоѣ пыли,
 Нашли живой и четкій слѣдъ ступни.

Я, путникъ, видѣлъ это. Я въ могилѣ
 Дышалъ тепломъ сухихъ камней. Они
 Сокрытое пять тысячъ лѣтъ хранили.

Быль нѣкій день, былъ нѣкій краткій часъ,
 Прощальный мигъ, когда въ послѣдній разъ
 Вдохнулъ здѣсь тотъ, кто узкою стопою
 Въ атласный прахъ вдавилъ свой узкій слѣдъ.

Тотъ мигъ воскресъ. И на пять тысячъ лѣтъ
 Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

ПОЛНОЧЬ

Ноябрь, сырая полночь. Городокъ,
Весь мѣловой, весь блѣдный подъ луною,
Подавленъ безотвѣтной тишиною.
Приливный шумъ торжественно-широкъ.

На мачтѣ коменданта флагъ намокъ.
Вверху, надъ самой мачтой, надъ сквозною
И мутной мглой, бѣгущей на востокъ,
Скользить луна зеркальной бѣлизною.

Иду къ обрывамъ. Шумъ грознѣе. Свѣтъ
Таинственнѣй, тусклѣе и печальнѣй.
Волна качаетъ сваи подъ купальной.

Вдали — сѣдая бездна. Моря нѣтъ.
И валуны, въ шипящей сѣрой пѣнѣ,
Блестятъ внизу, какъ спящіе тюлени.

6. VIII. 09

РАЗСВѢТЪ

Какъ стая птицъ, въ пустынь одиноко
Бѣлѣеть фортъ. За нимъ — пески, страна
Нагихъ бугровъ. На золотѣ востока
Четка и фіолетова она.

Рейдъ солнца ждетъ. Изъ черныхъ трубъ «Мароко»
Восходитъ дымъ. Зеленая волна
Стальною сажей, блестками полна,
Качаетъ мѣрно, плавно и широко.

Вотъ первый лучъ. Всѣ окна на борту
Зажглись огнемъ. Вотъ паръ взлетѣлъ — и трубы
Призывно заревѣли въ высоту.

Поднявъ весло, гребецъ оскалилъ зубы:
Какъ нѣжно плачетъ колоколь въ порту
Подъ этотъ ревъ торжественный и грубый!

ПОЛДЕНЬ

Горитъ хрусталь, горитъ рубинъ въ винѣ,
Звѣздой дрожить на скатерти въ салонѣ.
Послѣдній островъ тонетъ въ небосклонѣ,
Гдѣ зной и блескъ слились въ горячемъ снѣгѣ.

На бакѣ бризъ. Тамъ, на носу, на фонѣ
Сухихъ небесъ, на жуткой крутизнѣ,
Сидитъ ливіецъ въ бѣломъ балахонѣ,
Глядитъ на снѣгъ, кипящій въ глубинѣ.

И влажный шумъ надъ этой влажной бездной
Клонитъ въ дрему. И острый ржавый носъ,
Не торопясь, своей броней желѣзной
Въ снѣгу взрѣзаетъ синій купоросъ.

Сквозь купоросъ, сквозь радугу отъ пыли,
Струясь, краснѣетъ киноварь на килѣ.

14. VIII. 09

ЦИКАДЫ

Прибрежный хрящъ и голые обрывы
Степныхъ равнинъ луной озарены.
Хрустальный звонъ сливается съ небомъ нивы.

Цвѣты, колосья, травы имъ полны,
Онъ ни на мигъ не молкнетъ, но не будить
Безстрастной предразсвѣтной тишины.

Ночь стелеть тѣнь и влажный берегъ студить,
Ночь тянетъ вдаль свой неводъ золотой —
И скоро блескъ померкнетъ и убудетъ.

Но степь поеть. Какъ колось налитой,
Полна душа. Земля зоветъ: спѣшите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

Отъ блѣдныхъ звѣздъ, раскинутыхъ въ зенитѣ,
И до земли, гдѣ стынетъ лунный сонъ,
Текутъ хрустально-трепетныя нити.

Изъ сонма жизней сотканъ этотъ звонъ.

Въ поляхъ сухіе стебли кукурузы,
Слѣды колесъ и блеклая ботва.
Въ холодномъ морѣ — блѣдныя медузы
И красная подводная трава.

Поля и осень. Море и нагіе
Обрывы скаль. Вотъ ночь, и мы идемъ
На темный берегъ. Въ морѣ — летаргія
Во всемъ великомъ таинствѣ своемъ.

«Ты видишь воду?» — «Вижу только ртутный
Туманный блескъ...» Ни неба, ни земли.
Лишь звѣздный блескъ виситъ подъ нами — въ
мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

1910

ПРИ ДОРОГЪ

Окно по ночамъ голубое,
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплющенный мѣсяць
Какъ тусклое блещетъ пятно.

Дѣдъ рано ложится, а внучкѣ
Неволя: лежи и не спи
Да думай отъ скуки. А долги
Осеннія ночи въ степи!

Вчера чумаки проходили
По шляху подъ хатой. Была
Морозная полночь. Блестѣли
Колеса, рога у вола.

Тянулась арба за арбою,
И мѣсяць глядѣлъ какъ живой
На шляхъ, на шагавшія тѣни,
На борозды съ мерзлой ботвой...

У Каспія тони, тамъ хватить
Работы на всѣхъ — и давно
Ушла бы туда съ чумаками,
Да мило кривое окно.

Океанъ подь ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Всходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріиль, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ фиміамъ царскихъ вратъ
Блещеть огнедышащимъ кадиломъ.

Мелькають дали, черныя, слѣпья,
Мелькаеть океана мертвый ликъ:
Богъ разверзаетъ бездны голубья,
Но лишь на краткій мигъ.

«Да будетъ свѣтъ!» Но гаснетъ свѣтъ, и сонный,
Тяжелый гуль растеть вослѣдъ за нимъ:
Богъ, въ довременный хаосъ погруженный,
Мракъ потрясаетъ ропотомъ своимъ.

Индійск. океанъ.

1911.

ЗОВЪ

Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ,
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ вантъ, — какъ вѣрять моряки,
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья:
На новые пути, на новыя скитанья
Велятъ они вставать — въ тѣ страны, въ тѣ моря,
Гдѣ только бы тогда я кинулъ якоря,
Когда-бъ завѣтную увидѣлъ Атлантиду:
Въ родныя гавани во-вѣки я не вниду,
Но знаю, что и мнѣ, въ предсмертныхъ снахъ моихъ,
Все будетъ снится сѣть канатовъ смоляныхъ
Надъ бездной голубой, надъ зыбью океана:
Да чутко встану я на голосъ Капитана!

8. VII. 11.

ПСКОВСКІЙ БОРЪ

Вдали темно и чащи строги.
Подъ красной мачтой, подъ сосной
Стою и медлю — на порогѣ
Въ міръ позабытый, но родной.

Достойны-ль мы своихъ наслѣдій?
Мнѣ будетъ слишкомъ жутко тамъ,
Гдѣ тропы рысей и медвѣдей
Уводятъ къ сказочнымъ тропамъ,

Гдѣ зернь краснѣетъ на калинѣ,
Гдѣ гниль покрыта ржавымъ мхомъ
И ягоды туманно-сини
На можжевельникѣ сухомъ.

23. VII. 12

Ночь зимняя мутна и холодна.
 Какъ мертвая, стоитъ ея луна.
 Изъ радужнаго блѣднаго кольца
 Глядитъ она на лыжи у крыльца,
 На тѣнь мою, на молчаливый домъ
 И на кустарникъ въ инеѣ густомъ.
 Еще блеститъ оконное стекло,
 Но волчьей мглой поля заволокло,
 На сѣверѣ огни полныхъ звѣздъ
 Горятъ изъ мглы, какъ изъ пушистыхъ гнѣздъ.

Съ собакою самъ-другъ я при лунѣ.
 Заиндивѣлъ тяжелый мѣхъ на мнѣ,
 Глаза прозрачнымъ льдомъ окружены,
 И вся душа — во власти тишины,
 Предъ жуткимъ богомъ сѣверныхъ ночей,
 У тайны тайнъ, истока всѣхъ ключей.
 Снѣгъ межъ кустовъ, туманно-голубой,
 Осыпанъ жесткой сѣрою крупой.
 Таинственнымъ дыханіемъ гонимъ,
 Туманъ плыветъ, — и я мѣшаюсь съ нимъ.

И меркнетъ тѣнь, и двинулась луна,
 Въ свой блѣдный свѣтъ, какъ въ дымъ, погружена,
 И, кажется, вотъ-вотъ и я пойму
 Незримое — идущее въ дыму
 Отъ тѣхъ земель, отъ тѣхъ предвѣчныхъ странъ,
 Гдѣ гробовой чернѣетъ океанъ,
 Гдѣ наступивъ на ледяную Ось,
 Превыше звѣздъ возсталъ Великій Лось —
 И отражаютъ блѣдные снѣга
 Стоцвѣтные горячіе рога.

НОЧНАЯ ЗМЪЯ

Глаза козюли, медленно ползущей
Къ своей норѣ ночью сонной пущей,
Горять, какъ угли. Сумрачная мгла
Стоить въ кустахъ — и вотъ она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять разъ, и подъ колючей хвоей
Влачить свой жгутъ такъ тихо, что сова,
Плывя за ней, слѣдитъ едва-едва
Шуршанье мховъ. А ночь темна въ іюль,
А врагъ вездѣ — и страшень онъ козюль
Въ ночномъ бору, гдѣ смолкъ обычный шумъ:
Она сосредоточила весь умъ,
Всю силу зла въ своемъ горящемъ взглядѣ,
И даже ихъ, ежей, идущихъ сзади,
Пугаетъ ядъ, когда она въ пути
Замедлить, чтобъ преграду обойти,
Головку приподыметъ, водить жаломъ
Надъ мухоморомъ, сморщеннымъ и алымъ,
Глядитъ на пни, торчащіе изъ ямъ,
И свѣтитъ полусоннымъ муравьямъ.

28. VII. 12

МАТЬ

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая синѣла
Самарія вокругъ меня,
Каменистая долина
Съ юга шла — и по долинѣ
Семенялъ ушастый осликъ
Межъ колосевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сизо-черенъ и курчавъ.
Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ осликѣ, сидѣла
Мать съ ребенкомъ на рукахъ:
Какъ спокойно поднялися
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ теплымъ мракомъ,
Что сіялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
 Изъ серебряныхъ монетокъ...
 На вискахъ татуировка...
 Легкій кубовый покровъ,
 Ниспадающій на плечи...
 Загорѣлая, босая...
 Ты-ли это, Матерь Бога
 И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
 Красотѣ твоей небесной
 Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
 Полныхъ золота, огней,
 Въ полумракѣ величавомъ
 Древнихъ рыцарскихъ соборовъ,
 Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
 Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почиютъ
 Короли, святые, папы,
 Имена ихъ полустерты
 И въ забвеніи дѣла.
 Тамъ Твой Сынъ, главой поникшіи,
 Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
 Ты же — въ юности нетлѣнной:
 Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотой вѣнецъ и ризы
 Бѣлоснѣжныя — я всюду
 Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
 При дорогахъ, на поляхъ,
 Надъ бурунами морскими,
 Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,

Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ корабляхъ.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты — Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ
И огни свои качая,
Мачты стойко держать парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безуміемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму прибора
Ты цвѣтешь цвѣтами радугъ,
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горъ,
Озаренная лампадой,
Ты, какъ лилія, бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ приносимъ мы:
Сирота служанка — ленту,
Обрученная — свой перстень,
Мать — свои святя слезы,
Запоньярь — свои псалмы.

Человѣчество не помнить,
Какъ творить оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣсня Пѣсней —
Отчего возведена

На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Всѣмъ безвѣстная, простая
Галилейская Жена.

Человѣчество, вѣчная
Властью божеской тирановъ,
Обагрятъ руки кровью
Въ жадѣ злата и раба,
И само еще не знаетъ,
Что оно иного жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:
О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и понимать,
Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчайшимъ словомъ: Мать.

31. VII. 12.

ВЪ СИЦИЛИИ

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя —
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плесени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій,
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

1. VIII. 12

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ

— «Дай мнѣ звѣзду, — твердитъ ребенокъ сонный: —
 Дай, мамочка...» — Она, обнявъ его,
 Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
 Ведущихъ въ садъ. А садъ, степной, глухой,
 Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
 По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
 Краснѣетъ одинокая звѣзда.

«Дай, мамочка...» Она съ улыбкой нѣжной
 Беретъ худое личико: — «Что милый?»
 — «Вонъ ту звѣзду...» — «А для чего?» — «Играть...»

Лепечуть листья сада. Тонкимъ свистомъ
 Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
 Спитъ на колѣнѣхъ матери. И мать,
 Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,
 Глядитъ большими грустными глазами
 На тихую далекую звѣзду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
 Бездонному, спокойному, ночному,
 Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!

БѢЛЫЙ ОЛЕНЬ

Ѣдетъ стрѣлокъ въ зеленые луга,
 Въ тѣхъ ли лугахъ осока да куга,
 Въ тѣхъ ли лугахъ все чемеръ да цвѣты,
 Вешней водою низы налиты.
 — БѢЛЫЙ Олень, Золотые Рога!
 Ты не топчи заливные луга.

Прянулъ Олень, увидавши стрѣлка,
 Конь богатырскій шатнулся слегка,
 Плеткой стрѣлокъ по Оленю стebнулъ,
 Крѣпкой рукой самострѣль натянулъ,
 Да опустилась на гриву рука:
 БѢЛЫЙ Олень, погубилъ ты стрѣлка!

— Ты не стебай, не стрѣлай, молодець,
 Примешь ты скоро завѣтный вѣнецъ,
 Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ,
 Съ луга къ веселой приду я избѣ:
 Тутъ и забавамъ стрѣлецкимъ конецъ —
 Будешь ты дома сидѣть, молодець.

Стану, Олень, на дворѣ я съ утра,
 Златомъ роговъ освѣчу полдвора,
 Сладкимъ виномъ поѣзжанъ напою,
 Всѣхъ особливѣй невѣсту твою:
 Чтобъ не мочила слезами лица,
 Чтобъ не боялась кольца и вѣнца.

АЛИСАФІЯ

На песокъ у моря синяго
Золотая верба клонится.
Алисафія за братьями
По песку морскому гонится.

— Что-жъ вы, братья, меня кинули?
Гдѣ же это въ свѣтѣ видано?
— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змѣя выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще разъ попросаемя!
— Не гонись, сестра: мы къ мачехѣ
Поспѣшаемъ, ворочаемся.

Золотая верба по-вѣтру
Во всѣ стороны клонилася.
На сырой песокъ у берега
Алисафія садилася.

Вотъ и солнце опускается
Въ огневую зыбь поморія.
Вотъ и видитъ Алисафія:
Бѣлый конь несетъ Егорія.

Онъ съ коня слѣзаетъ весело,
Отдаетъ ей поводъ съ плеткою:

— Дай уснуть мнѣ, Алисафія,
Подъ твоей защитой кроткою.

Легъ и спать, и дрогнетъ съ холоду
Алисафія покорная.
Тяжелѣетъ солнце рдяное,
Стала зыбь къ закату черная.

Закипѣла она пѣною,
Зашумѣла, закурчавилась:
— Встань, проснись, Егорій-батюшка!
Шуму на-морѣ прибавилось.

Поднялась волна и на-берегъ
Шибко мчитъ глаза змѣиные:
— Ой, проснись, — не медли, суженый,
Ни минуты ни единыя!

Онъ не слышитъ, спать, покоится.
И заплакала, закрылася
Алисафія — и тяжкая
По щекѣ слеза скатилася,

И упала на Егорія
На лицо его, какъ олово,
И вскочилъ Егорій на ноги,
И срубилъ онъ Змѣю голову.

Золотая верба, звѣздами
Отягченная, склоняется,
Съ нареченнымъ Алисафія
Въ Божью церковь собирается.

ПОТОМКИ ПРОРОКА

Не мало царствъ, не мало странъ на свѣтѣ.
Мы любимъ тростниковые ковры,
Мы ходимъ не въ кофейни, а въ мечети,
На солнечные тихіе дворы.

Мы не купцы съ базара. Мы не рады,
Когда вступаетъ пыльный караванъ
Въ святой Дамаскъ, въ его сады, ограды:
Намъ не нужны подачки англичанъ.

Мы терпимъ ихъ. Но ни одежды бѣлой,
Ни бѣлыхъ шлемовъ видѣть не хотимъ.
Написано: чужому зла не дѣлай,
Но и очей не подымай предъ нимъ.

Скажи привѣтъ, но помни: ты въ зеленомъ.
Когда придуть, гляди на кипарисъ,
Гляди въ лазурь. Не будь хамелеономъ,
Что по стѣнѣ мелькаетъ вверхъ и внизъ.

Шипить и не встаетъ верблюдь,
 Ревуть, урчатъ бока скотины.
 — Ударь ногой. Уже поютъ
 Въ разсвѣтъ аломъ муззины.

Стамбуль жемчужно-сѣрь вдали,
 Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
 Въ дыму выходятъ корабли
 Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
 Онъ пахнетъ медомъ и ванилью,
 И вами, бѣлые сады,
 И кизякомъ, и росной пылью.

Выносить красный самоваръ
 Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
 Барановъ гонять на базаръ,
 Проснулись нищіе за ханомъ:

Пора итти, глядѣть весь день
 На зной и блескъ, и все къ востоку,
 Гдѣ только птицъ косая тѣнь
 Бѣжить по выжженному дроку.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Въ щитъ золотой, висящій у Престола,
Копьемъ ударить ангель Израфилъ —
И саранчей вдоль сумрачнаго дола
Мы потечемъ изъ треснувшихъ могиль.

Щитъ загудить — и Ты возстанешь, Боже,
И тѣнь Твоя падеть на судный доль,
И будетъ твердь подобна красной кожѣ,
Повергнутой кожевникомъ въ разсолъ.

8. VIII. 12

ЗАВЪСА

Такъ говорить Господь: «Когда, Мой рабъ любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ Моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшонъ врагамъ Мой сладкозвучный стихъ.»

И сокровенныхъ чувствъ и тайныхъ мыслей много
Отъ васъ я утаилъ. Никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога:
Онъ Самъ насъ раздѣлилъ завѣсою своей.

8. VIII. 12

РИТМЪ

Часы, шипя, двѣнадцать разъ пробили
Въ сосѣдней залѣ, темной и пустой,
Мгновенія, бѣгущія чредой
Къ безвѣстности, къ забвенію, къ могилѣ,

На краткій срокъ свой бѣгъ остановили
И вновь узоръ чеканятъ золотой:
Заворожень ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силѣ.

Раскрывъ глаза, гляжу на яркій свѣтъ
И слышу сердца ровное бѣенье
И тихихъ строкъ размѣренное пѣнье
И мыслимую музыку планетъ.

Все ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленье!
Но страшень мигъ, когда стремленья нѣтъ.

9. VIII. 12

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятнѣй не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блекля, въ пыли,
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна — рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдя крылья распутивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И выросали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью —
Въ грядущемъ страхъ Божества.

ГРОБНИЦА

Глубокая гробница изъ порфирѣ.
Клоки парчи и два крутыхъ ребра.
Въ костяхъ руки — желѣзная сѣкира,
На черепѣ — вѣнецъ изъ серебра.

Надвинуть онъ на черныя глазицы,
Сквозить на лбу, блестящемъ и пустомъ.
И тонко, сладко пахнетъ изъ гробницы
Истлѣвшимъ кипарисовымъ крестомъ

10. VIII. 12

СТЕПЬ

Синій воронъ отъ падали
Алый клювъ поднималъ и глядѣль.
А другіе косились и прядали,
А кустарникъ шумѣль, шелестѣль.

Синій воронъ пьетъ глазки до донушка,
Собираетъ по косточкамъ дань.
Сторона-ли моя, ты сторонушка,
Вѣковая моя глухомань!

21. IX. 12

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Среди кривыхъ стволовъ, среди вѣтвей корявыхъ
Ползетъ молочный дымъ: окуриваютъ садъ.
Всѣ яблони въ цвѣту — и вотъ, въ зеленыхъ травахъ,
Огни, какъ языки, краснѣютъ и дрожать.

Безцвѣтный западъ чистъ — жди къ полночи мороза.
И соловьи всю ночь поютъ изъ теплыхъ гнѣздъ
Въ дурманѣ голубомъ дымящаго навоза,
Въ серебряной пыли туманно-яркихъ звѣздъ.

2. III. 13

МАТРОСЪ

Ночью въ морѣ крѣпко спать хотѣлось,
Измотало зыбью нашу барку,
На носу — угодника Николу,
На кормѣ — малиновый фонарикъ.

А пришли къ Патрасу — разсвѣтаетъ,
Море заштилъло, зеленѣетъ,
На востокѣ, свѣтломъ, апельсинномъ,
Розовѣютъ снѣговья горы.

У кого есть деньги, тотъ въ кофейнѣ,
Пьетъ мастику или чай съ лимономъ —
Э, успѣю выспаться! Скорѣе
Дай мнѣ сыру и вина покрѣпче!

Сладко ослабѣю, сытый, пьяный,
Забурлю кальяномъ, а хозяинъ
Будетъ усмѣхаться — и отъ смѣха
Носъ его короткій станетъ клювомъ.

МАЧЕХА

У меня, сироты, была мачеха злая.
 Въ избу пустую ночью пришла я:

Въ темные лѣсы гнала меня мати
 Жито сырое молоть, просѣвати.

Много смолола я — куры не пѣли,
 Слышу — дверные крюки заскрипѣли,

Глянула — вижу желѣзные роги,
 Черную Мати, косматыя ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
 Вела меня Мати къ вѣнцу да на муку,

За темные лѣсы, за синіе боры,
 За быстрыя рѣки, за бѣлыя горы.

Ой, да я лѣсы прошла со свѣчами,
 Въ плынь я плыла по рѣкамъ со слезами,

Въ трубы по бѣлымъ горамъ я трубила:
 Слушайте, люди, кого я любила!

20. VIII. 13.

НЕВѢСТКА

Свекровь-госпожа въ терему до полдень заспалась:
Спи, родная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я въ бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладкомъ корню развела.

И черенъ и смоленъ зеленый за теремомъ боръ.
Сынокъ твой воротится, сыщеть подъ лавкой топоръ:
«Сынокъ, не буди меня: клонить старуху ко сну.
Сруби мнѣ два дерева — ель да рудую сосну.»

Инь, ель на постель, а сосну? — «А ее на кровать:
На бархатѣ смольномъ въ гробу золотомъ почивать,
На хвоѣ примятой княгиню положите вы,
Съ болотною мятой округъ восковой головы...»

Ужъ какъ же я буду за церковью выть, голосить!
Ужъ какъ же я выйду на-ранѣ покосы косить!
Въ коралль, въ костенику я косы свои уберу,
Шальнойю и дикой завьюсь, замотаюсь въ бору!

МУШКЕТЬ

Видѣлъ сонъ Мушкетъ:
 Видѣлъ онъ азовскія подолья,
 На бурьянѣ, на татаркахъ — алый цвѣтъ,
 А въ бурьянѣ — ржавыхъ копій колья.

Чортъ повиль въ жгуты,
 Засушилъ въ крови казачьи чубы.
 Эхъ, Мушкетъ! А что же дѣлалъ ты?
 Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый братъ
 Въ Цареградѣ былъ посаженъ на-коль.
 Братъ зоветъ Мушкета въ Цареградъ —
 И Мушкетъ проснулся и заплакалъ.

Всталъ, жену убиль,
 Сонныхъ зарубилъ своихъ малютокъ,
 И пошелъ въ туречину, и былъ
 Въ Цареградѣ черезъ сорокъ сутокъ.

И турецкій ханъ
 Отрубилъ ему башку сѣдую,
 И швырнули ту башку въ лиманъ,
 И плыла она, качаясь, въ даль морскую.

И глядѣла въ высь, —
 Къ Господу глаза ея глядѣли.
 И Господь отвѣтилъ: «Не журись,
 Не тужи, Мушкетъ, — тебя отпѣли».

ВЕНЕЦІЯ

Восемь лѣтъ въ Венеціи я не былъ...
 Всякій разъ, когда вокзалъ минуешь
 И на пристань выйдешь, удивляетъ
 Тишина Венеціи, пьянѣешь
 Отъ морского воздуха каналовъ.
 Эти лодки, барки, маслянистый
 Блескъ воды, огнями озаренной,
 А за нею низкій рядъ фасадовъ
 Какъ бы изъ слоновой грязной кости,
 А надъ ними синій южный вечеръ,
 Мокрый и ненастный, но налитый
 Синевою мягкою, лиловой, —
 Радостно все это было видѣть!

Восемь лѣтъ... Я спалъ въ давно знакомой
 Низкой, старой комнатѣ, подъ бѣлымъ
 Потолкомъ, расписанномъ цвѣтами.
 Утромъ слышу, — колоколь: и звонко
 И пѣвуче, но не къ намъ взываетъ
 Этотъ чистый одинокій голосъ,
 Голосъ давней жизни, отъ которой
 Только красота одна осталась!
 Утромъ косо розовое солнце
 Заглянуло въ узкій переулокъ,
 Озаряя отблескомъ отъ дома,

Отъ стѣны напротивъ — и опять я
 Радостную близость моря, воли
 Ощутилъ, увидѣвши надъ крышей,
 Надъ бѣльемъ, что по вѣтру трепалось,
 Облаковъ сиреневые клочья
 Въ жидкомъ, влажно-бирюзовомъ небѣ.
 А потомъ на крышу прибѣжала
 И бѣлье снимала, напѣвая,
 Дѣвушка съ раскрытой головою,
 Стройная и тонкая... Я вспомнилъ
 Капри, Граціэллу Ламартина...
 Восемь лѣтъ назадъ я былъ моложе,
 Но не сердцемъ, нѣтъ, совсѣмъ не сердцемъ!

Въ полдень, возлѣ Марка, что казался
 Патриархомъ Сиріи и Смирны,
 Солнце, улыбаясь въ свѣтлой дымкѣ,
 Перламутромъ розовымъ слѣпило.
 Солнце пригрѣвало стѣны Дожей,
 Площадь и воркующихъ, кипящихъ
 Сизыхъ голубей, клевавшихъ зерна
 Подъ ногами щедрыхъ форестьеровъ.
 Все блестяло — шляпы, обувь, трости,
 Щурились глаза, сверкали зубы,
 Женщины, весну напоминая
 Свѣтлыми нарядами, раскрыли
 Шелковые зонтики, чтобъ шелкомъ
 Озаряло лица... Въ галлереѣ
 Я сидѣлъ, спросилъ газету, кофе
 И о чемъ-то думалъ... Тотъ, кто молодъ,
 Знаетъ, что онъ любить. Мы не знаемъ, —
 Цѣлый міръ мы любимъ... И далеко,
 За каналы, за лежавшій плоско
 И сіявшій въ тускломъ блескѣ городъ,

За лагуны Адриі зеленой,
 Въ голубой просторъ глядѣль крылатый
 Левъ съ колонны. Въ ясную погоду
 Онъ на югъ видитъ Апеннины,
 А на сизомъ сѣверѣ — тройныя
 Волны Альпъ, мерцающихъ надъ синью
 Платиной горбовъ своихъ ледяныхъ...

Вечеромъ — туманъ, молочно-сѣрый,
 Дымный, непроглядный. И пушисто
 Зеленѣютъ въ немъ огни, столбами
 Фонари отбрасываютъ тѣни.
 Траурно Большой каналъ чернѣетъ
 Въ росыпи огней, туманно-красныхъ,
 Маркъ тяжель и древенъ. Въ переулкахъ —
 Слякоть, грязь. Идутъ посерединѣ, —
 Въ оперѣ какъ будто. Сладко пахнутъ
 Крѣпкія сигары. И уютно
 Въ свѣтлыхъ галлереяхъ — ярко блещутъ
 Ихъ кафэ, витрины. Англичане
 Покупаютъ кружево и книжки
 Съ толстыми шершавыми листами,
 Въ переплетахъ съ золоченой вязью,
 Съ грубыми застежками... За мною
 Дѣвочка пристряла — все касалась
 До плеча рукою, улыбаясь
 Жалостно и робко: «Mi d'un soldo!»
 Долго я сидѣль потомъ въ тавернѣ,
 Долго вспоминалъ ея прелестный
 Жаркій взглядъ, лучистыя рѣсницы
 И лохмотья... Можетъ быть, арабка?

Ночью, въ часъ, я вышелъ. Очень сыро,
 Но тепло и мягко. На пьядеттѣ

Камни мокры. Нѣжно пахнетъ моремъ,
 Холодно и сыро воню скользящихъ
 Темныхъ переулковъ, отъ канала —
 Свѣжестю арбуза. Въ свѣтломъ небѣ
 Надъ пьядеттой, противъ папскихъ статуй
 На фасадѣ церкви — блѣдный мѣсяцъ:
 То сіяетъ, то за дымомъ таетъ,
 За осенней мглой, бѣгущей съ моря.
 «Не заснулъ, Энрико?» — Онъ беззвучно,
 Медленно на лунный свѣтъ выводитъ
 Длинный черный катафалкъ гондолы,
 Чуть склоняетъ станъ — и вырастаетъ,
 Стоя на кормѣ ея... Мы долго
 Плыли въ узкихъ коридорахъ улицъ,
 Между стѣнъ высокихъ и тяжелыхъ...

Въ этихъ коридорахъ — баржи съ лѣсомъ,
 Барки съ солью: стали и ночуютъ.
 Подъ стѣнами — сваи и ступени,
 Въ плесени и слизи. Сверху — небо,
 Лента неба въ мелкихъ блѣдныхъ звѣздахъ...
 Въ полночь спитъ Венеція, — быть можетъ,
 Лишь въ притонахъ для воровъ и пьяницъ,
 За вокзаломъ, свѣтятъ щели въ ставняхъ,
 И за ними глухо слышны крики,
 Буйный хохоть, споры и удары
 По столамъ и столикамъ, залитымъ
 Марсалай и вермутомъ... Есть прелесть
 Въ этой поздней, въ этой чадной жизни
 Пьяницъ, проститутокъ и матросовъ!
 «Но amato, amo, Desdemona»,
 Говоритъ Энрико, напѣвая,
 И, быть можетъ, слышитъ эту пѣсню
 Кто-нибудь вотъ въ этомъ темномъ домѣ —

Та душа, что любить... За оградой
 Вижу садикъ; въ чистомъ небосклонѣ —
 Голыя, прозрачныя деревья,
 И стекломъ блестятъ они, и пахнетъ
 Садъ виномъ и медомъ... Этотъ винный
 Запахъ листьевъ тоньше, чѣмъ весенній!
 Молодость груба, жадна, ревнива,
 Молодость не знаетъ счастья — видѣтъ
 Слезы на рѣсницахъ Дездемоны,
 Любящей другого...

Вотъ и свѣтлый
 Выходъ въ небо, въ лунный блескъ и воды!
 Здравствуй, небо, здравствуй, ясный мѣсяцъ,
 Переливъ зеркальныхъ водъ и тонкій
 Голубой туманъ, въ которомъ сказкой
 Кажутся вдали дома и церкви!
 Здравствуйте, полночные просторы
 Золотого млѣющаго взморья
 И огни чуть виднаго экспресса,
 Золотой бѣгущіе цѣпочкой
 По лагунамъ къ югу!

МАГОМЕТЪ И САФІЯ

Сафія, проснувшись, •заплетаєть ловкой
Голубой рукою пряди черныхъ косъ:
«Всѣ меня ругаютъ, Магометъ, жидовкой»,
Говоритъ сквозь слезы, не стирая слезъ.

Магометъ, съ усмѣшкой и любовью глядя,
Отвѣчаетъ кротко: «Ты скажи имъ, другъ:
Авраамъ — отецъ мой, Моисей — мой дядя,
Магометъ — супругъ.»

24. III. 14

Плакала ночью вдова:
 Нѣжно любила ребенка, но умеръ ребенокъ.
 Плакалъ и старецъ-сосѣдъ, прижимая къ глазамъ рука-
 ва,
 Звѣзды свѣтили, и плакалъ въ закутѣ козленокъ.

Плакала мать по ночамъ.
 Плачущій ночью къ слезамъ побуждаетъ другого:
 Звѣзды слезами текутъ съ небосклона ночного,
 Плачетъ Господь, рукава прижимая къ очамъ.

24. III. 14.

ПЕРСТЕНЬ

Рубины мрачные цвѣли, чернѣли въ немъ,
Внутри пурпурно-квяные,
Алмазы вспыхивали розовымъ огнемъ,
Дробясь, какъ слезы ледяныя.

Безцѣнными игралъ завѣтный перстень мой,
Но затаенными лучами:
Такъ свѣтитъ и горитъ сокрытый полутьмой
Старинный образъ въ царскомъ храмѣ.

И долго я глядѣлъ на этотъ Божій даръ
Съ тоскою, смутной и тревожной,
И опускалъ глаза, переходя базаръ,
Въ толпѣ крикливой и ничтожной.

7. I. 15.

Просыпаюсь въ полумракѣ.
Въ занесенное окно
Смуглымъ золотомъ Исакій
Смотрить дивно и темно.

Утро сумрачное снѣжно,
Крестъ ушелъ въ густую мглу.
За окномъ уютно, нѣжно
Жмутся голуби къ стеклу.

Счастливъ этимъ финскимъ утромъ,
Дикимъ сѣверомъ, зимой,
Свѣтлой люстры перламутромъ
Озарю я номеръ мой.

Все мнѣ радостно и ново:
Запахъ кофе, яркій свѣтъ,
Мѣхъ ковра, уютъ алькова
И сырой морозъ газетъ.

17. I. 15.

СВ. ЕВСТАФІЙ

Ловець великій передь Богомъ,
 Я алченъ въ молодости былъ.
 Въ восторгъ буйномъ, зломъ и строгомъ,
 По горнымъ доламъ и отрогамъ,
 Я расточалъ мей ловчій пылъ.

— Простите, дѣвственныя сѣни
 Языческихъ родимыхъ мѣсть.
 Ты сокрушилъ мои колѣни,
 Смиранный Взоръ, голгофскій Крестъ.

Вотъ далъ я волю пестрымъ сворамъ,
 Узду коню: рога, рога
 Летятъ надъ листовнымъ узоромъ,
 А я — за ними, пьянь просторомъ,
 Погоней, жаждою врага.

— Простите, дѣвственныя сѣни,
 Поющій лѣсъ, гремящій боръ.
 Ты сокрушилъ мои колѣни,
 Голгофскій Крестъ, смиренный Взоръ.

Мракъ и стволы великой чаши,
 Органныхъ трубъ умолкшій рядъ,
 Взоръ, и смиренный и грозящій,
 И Крестъ изъ пламени, горящій
 Въ рогахъ, откинутыхъ назадъ.

ПОЭТУ

Въ глубокихъ колодцахъ вода холодна,
И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ чище она.
Пастухъ нерадивый напьется изъ лужи
И въ лужѣ напоить отару свою,
Но добрый опуститъ въ колодець бадью,
Веревку къ веревкѣ привяжетъ потуже.

Безцѣнный алмазь, оброненный въ ночи,
Рабъ ищетъ при свѣтѣ грошевой свѣчи,
Но зорко онъ смотритъ по пыльнымъ дорогамъ,
Онъ ковшикомъ держитъ сухую ладонь,
Отъ вѣтра и тьмы ограждая огонь —
И знай: онъ съ алмазомъ вернется къ чертогамъ.

27. VIII. 15

Взойди, о Ночь, на горній свой престоль,
Стань въ безднѣ безднѣ, отъ блеска звѣздъ туманной,
Миръ тишины исполни перевозданной
И сонныхъ водъ смири нѣмой глаголь.

Въ отверстый храмъ земли, небесь, морей
Вновь прихожу съ мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, цѣлящею рукою,
Коснись чела, какъ Божій іерей.

Дала судьба мнѣ слишкомъ щедрый даръ,
Видѣнья дня безмѣрно ярки были:
Росистый хладъ твоей епитрахили
Да утолить души мятежный жаръ.

31. VIII. 15.

Роса, при блѣдно-розовомъ огнѣ
Далекаго востока, золотится.
Въ степи сидитъ пустышка на копнѣ.
Въ степи разсвѣтъ, въ степи роса дымится.

День впереди, столь радостный для насъ,
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спать пастухи. Бараны сбились въ кучу,
Сверкая янтарями спящихъ глазъ.

2. IX. 15.

ГОРА АЛАГАЛЛА

Въ лѣсахъ кричить павлинь, шумять и плещуть ливни,
Въ болотистыхъ низахъ, въ долинахъ рѣкъ — потопъ.
Слоны залѣзли въ грязь, стоять, поднявши бивни,
Сырые хоботы закинувши на лобъ.

На тучахъ зелень пальмъ — безжизненнѣй металла,
И тяжело заступивъ графитный горизонтъ,
Глядитъ изъ-за лѣсовъ нагая Алагалла,
Какъ сизый мастодонтъ.

БѢЛЫЙ ЦВѢТЬ

Пустынникъ намъ сказалъ: «Благословенъ Господь!
Когда я изнурялъ бунтующую плоть,
Когда я жилъ въ бору надъ Малымъ Танаисомъ,
Я такъ скорбѣлъ порой, что жаловался крысамъ,
Сбѣгавшимся изъ норъ на скудный мой обѣдъ,
Да спасъ меня Господь отъ вражескихъ побѣдъ.
И знаете ли чѣмъ, какой утѣхой сладкой?
Я забавлялъ себя своею сирой хаткой,
Я мѣлъ въ горахъ нашель — и за годъ раза три
Бѣлилъ ее, друзья, снаружи и внутри.
Ахъ, темень, темень мѣрь, и чувствуютъ лишь дѣти,
Какая тишина и рѣдость въ бѣломъ цвѣтѣ!»

10. IX. 15

ОДИНОЧЕСТВО

Худая компаньонка, иностранка,
Купалась въ морѣ вечеромъ холоднымъ
И все ждала, что кто нибудь увидить,
Какъ выбѣжить она, полунагая,
Въ трико, прилипшемъ къ тѣлу, изъ прибоа.
Потомъ, надѣвъ широкой балахонъ,
Сидѣла на пескѣ и ѣла сливы,
А крупный песь съ гремящимъ лаемъ прядаль
Въ прибрежную сиреневую кипень
И жаркой пастью радостно кидался
На черный мячъ, который съ крикомъ «hop!»
Она швыряла въ воду... Загорѣлся
Вдали маякъ лучистою звѣздой...
Сырѣлъ песокъ, взошла луна надъ моремъ,
И по волнамъ у берега ломался,
Сверкалъ зеленый глянecъ... На обрывѣ,
Что возвышался сзади, въ свѣтломъ небѣ,
Чернѣла одинокая скамья...
Тамъ постоялъ съ раскрытой головою
Писатель, пообѣдавшій въ гостяхъ,
Сигару покурилъ и, усмѣхнувшись,
Подумалъ: — «Полосатое трико
Ее на зебру дѣлало похожей».

10. IX. 1915.

ЗАСУХА ВЪ РАЮ

Отъ пальмъ увядшихъ слабы тѣни.
Ища воды, кричатъ въ тоскѣ
Среброголосые олени
И пожирають змѣй въ пескѣ.

Въ сухомъ лазоревомъ туманѣ
Очерченъ солнца алый кругъ,
И самъ Творецъ сжимаетъ длани,
Таитъ тревогу и испугъ.

12. IX. 15

У нубійскихъ черныхъ хижинъ
Мы въ пути коней поили.
Вечерь теплый, тихій, темный
Чуть свѣтилъ шафраномъ въ Нилѣ.

У нубійскихъ черныхъ хижинъ
Кто-то пѣлъ, томясь безстрастно:
— Я тоскую, я печальна
Оттого, что я прекрасна.

Мыши рѣяли, дрожали,
Буйволь спалъ въ прибрежномъ илѣ,
Пахло теплымъ, прянымъ дымомъ
И свѣтили звѣзды въ Нилѣ.

12. IX. 15

Что ты мутный, свѣтель-мѣсяць?
Что ты низко въ небѣ ходишь,
Не попрежнему сіяешь
На серебряные снѣги?

Не впервой мнѣ, мѣсяць, видѣть,
Что окно ея высоко,
Что краснѣетъ тамъ лампадка
За шелковой занавѣской.

Не впервой я ворочаюсь
Изъ кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу отъ скуки
Подъ Кремлемъ съ блаженнымъ Ваней.

И когда онъ спитъ — дивуюсь!
А вѣдь кволый да и голый...
Все смѣется, все бормочетъ,
Что башка моя на плахѣ
Такъ-то весело подскочить!

КАЗНЬ

Туманно утро красное, туманно,
 Да все свѣтлѣй, бѣлѣе на восходѣ,
 За темными, за синими лѣсами,
 За дымными болотами, лугами...
 Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождемъ легла на пыль,
 На крыши избъ, на торгъ пустой,
 На золото церковныхъ главъ,
 На мой помостьь средь площади...
 Точите ножъ, мочите солью кнуть!

Туманно солнце красное, туманно,
 Кровавое не свѣтитъ и не грѣетъ
 Надъ мутными, надъ бѣлыми лѣсами,
 Надъ росными болотами, лугами...
 Орите позвончѣе, бирючи!

— Давай, мужикъ, лицо умыть,
 Сапогъ обуть, кафтанъ надѣть,
 Веди меня, вали подъ ножъ
 Въ единый махъ — не то держись:
 Зубами всѣхъ заѣмь, не оторвутъ!

ШЕСТИКРЫЛЫЙ

Мозаика въ соборѣ

Алѣлъ ты въ заревѣ Батыя —
И потемнѣлъ твой жуткій взоръ.
Ты крылья рыже-золотыя
Въ священномъ трепетѣ простеръ.

Узрѣлъ ты Грознаго юрода
Монашескій истертый шлыкъ —
И навсегда въ изгибахъ свода
Застылъ твой большеглазый ликъ.

ПАРУСЪ

Звѣздами вышить парусъ мой,
Высокій, бѣлый и тугой,
Ликъ Богоматери межъ нихъ
Сіяеть, благостень и тихъ.

И что мнѣ въ томъ, что берега
Уже уходятъ отъ меня!
Душа полна, душа строга —
И тонко свѣтятся рога
Младой луны въ закатѣ дня.

14. IX. 15

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
 Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
 Сталось въ небѣ Божье Полотенце,
 Чтобы Ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
 Дива дивьи въ эту ночь творились:
 Волчьи очи зеленою дымились,
 По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
 На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
 Грызлись, бились и мотались обѣ,
 Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотьмахъ,
 Жались, табунились и дрожали,
 Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
 Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ мечъ
 Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
 Къ золотому Иродову трону,
 Чтобы главу на Иродѣ отсѣчь.

21. X. 15

СКАЗКА О КОЗЪ

Это волчи глаза или звѣзды — въ стволахъ на краю
перелѣска?

Полночь, поздняя осень, морозъ.

Голый дубъ надо мной весь трепещеть отъ звѣзднаго
блеска,

Подъ ногою сухое хруститъ серебро.

Затвердѣли, какъ камень, тропинки за лѣто набитыя.

Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней Коза!
Расцвѣтають, горятъ на желѣзномъ морозѣ несытые
Волчи, Божьи глаза.

29. X. 15.

ЗАЗИМОКЪ

Сиверомъ на холодѣ
Обжигаетъ жолуди,
Листья и кору.
Свищетъ роша ржавая,
Жесткая, корявая,
Въ полѣ на юру.

Ходятъ тучи съ ношею,
Мерзлую порошею
Стало чаще дуть,
Серебрятся озими —
Скоро подъ полозьями
Задымится путь,

Заиграетъ вьюгою,
И листву муругую
Понесетъ смѣлѣй
По простору вольному,
Гулу колокольному
Стонущихъ полей!

29. X. 15

МАЛАЙСКАЯ ПѢСНЯ

Чернѣть зыбкій горизонтъ,
 Надъ бѣлымъ блескомъ острыхъ волнъ
 Змѣится молній быстрый блескъ,
 И бѣтъ прибой мой узкій челнъ.

Сырой и теплый ураганъ
 Проносится въ сыромъ лѣсу,
 И сыплеть изумрудный лѣсъ
 Свою жемчужную красу.

Стою у хижины твоей:
 Ты на цыновкѣ голубой,
 На скользкихъ лыкахъ сладко спишь,
 И вѣтеръ вѣтъ надъ тобой.

Ты спишь съ улыбкой, мой цвѣтокъ.
 Пустая хижина твоя,
 Въ ненастный вечеръ, на вѣтру,
 Благоухаетъ отъ тебя.

Рѣсницы смольныя смеживъ,
 Закрывши длинные глаза,
 Окутавъ бедра кисеей,
 Ты изогнулась, какъ лоза.

Мала твоя тугая грудь
 И кожа смуглая гладка
 И влажная нѣжна ладонь
 И крѣпкая кругла рука.

И золотые позвонки
 Висятъ на щиколкахъ твоихъ,
 Янтарныхъ, твердыхъ, какъ кокосъ,
 И сонъ твой беззаботный тихъ.
 Но черень, черень горизонтъ!
 Зловѣще грому вторить громъ,
 Темнѣеть лѣсъ, и океанъ
 Сверкаетъ острымъ серебромъ.
 Твои уста — пчелиный медъ,
 Твой смѣхъ счастливый — щебетъ птицъ,
 Но, женщина, люби лишь разъ,
 Не поднимай для всѣхъ рѣсницъ!
 Ты легче лани на бѣгу,
 Но вотъ на лань, изъ тростниковъ,
 Метнулся розовый огонь
 Двухъ желтыхъ суженныхъ зрачковъ:
 О, женщина! Люби лишь разъ!
 Твой смѣхъ лукавъ и лгаль твой ротъ —
 Клинокъ мой мѣдннй раскалень
 Въ моей рукѣ — и мѣтко бьетъ.
 Вотъ пьяные твои глаза,
 Вотъ поблѣвшія уста.
 Вдуваетъ буря парусъ мой,
 Во мракѣ вьется блескъ холста.
 Клинкомъ я голову отсѣкъ
 Въ единый взмахъ отъ шеи прочь.
 Косою къ мачтѣ привязаль —
 И снова въ путь, во мракъ и ночь.
 Раскалываетъ небо громъ —
 И озаряетъ надо мной
 По мачтѣ льщуюся кровь
 И ликъ, качаемый волной.

СВЯТОГОРЪ И ИЛЬЯ

На гривастыхъ коняхъ на косматыхъ,
 На златыхъ стременахъ на разлтыхъ,
 Ъдутъ братья, меньшей и старшой,
 Ъдутъ сутки и двое и трое,
 Видятъ въ поле корыто простое,
 Наѣзжаютъ — анъ гробъ, да большой:

Гробъ глубокой, изъ дуба долбленный,
 Съ черной крышей, тяжелой, томленой,
 Вотъ и сдвинулъ ее Святогоръ,
 Легъ, накрылся и шутить: «А впору!
 Помоги-ка, Илья, Святогору
 Снова выйти на Божій просторъ!»

Обнялъ крышу Илья, усмѣхнулся,
 Во всю грузную печень надулся,
 Двинулъ срыву — да нѣтъ, погоди!
 «Ты мечемъ!» — слышенъ голосъ изъ гроба.
 Онъ за мечъ, — занимается злоба,
 Загорается сердце въ груди, —

Нѣтъ, и мечъ не беретъ! Съ виду рубить.
 Да не дѣлаетъ дѣла, а губить:
 Гдѣ ударить — тамъ обручъ готовъ,
 Нарастаетъ желѣзная скрѣпа, —
 Не подняться изъ гробнаго склепа —
 Святогору во вѣки вѣковъ.

Кинуль биться Илья — Божья воля!
Їдетъ прочь вдоль широкаго поля,
Утираетъ слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выѣзжай на иную путину,
На иныя дѣла!

23. I. 16.

СВЯТОЙ ПРОКОПІЙ

Бысть нѣкая зима
 Всѣхъ зимъ иныхъ лютейша паче.
 Бысть нестерпимый мразъ и бурный вѣтръ,
 И снѣгъ спаде на землю превеликій
 И храмины засыпа, и не токмо
 Въ путѣхъ, но и во градѣ померзаху
 Скоты и человѣцы безъ числа,
 И птицы мертвы падаху на кровли.
 Бысть въ оны дни:
 Святый своимъ наготствующимъ тѣломъ
 Отъ той зимы безмѣрно пострада.
 Единожды онъ ношію прииде
 Ко храминамъ убогихъ и хоте
 Согрѣтися у нихъ; но ощутивше
 Приходъ его, иніи затворяху
 Дверь передъ нимъ, иніи же его,
 Біяху и кричаще: — Прочь отсюду,
 Отыде прочь, Юроде! — Онъ въ углѣ
 Псовъ обрѣте на снѣгѣ и соломѣ,
 И ляже посреде ихъ, но бѣгоша
 Тѣ пси его. И возвратися паки
 Святый въ притворъ церковный и сѣде,
 Согнуся и трясыйся и отчаявъ
 Спасеніе себѣ. — Благословенно
 Господне имя! Пси и человѣцы —
 Единое въ свирѣпствѣ и умѣ.

КНЯЗЬ ВСЕСЛАВЪ

Князь Всеславъ въ желѣзы былъ закованъ,
 Въ яму брошень братскою рукой:
 Князю былъ жестокой уготованъ
 Жребій по жестокости людской.
 Русь, его призвавъ къ великой чести,
 Въ Кіевъ изъ темницы извела.
 Да не въ часъ онъ сѣлъ на княжьемъ мѣстѣ:
 Лишь копьемъ дотронулся Стола.
 Что жъ теперь, дорогами глухими,
 Воровскими въ Полоцкъ убѣжавъ,
 Что теперь, вдали отъ міра, въ Схимѣ,
 Вспоминаеть темный князь Всеславъ?

Только звонъ твой утренній, Софія,
 Только голосъ Кіева! — Долга
 Ночь зимою въ Полоцкѣ... Другіе
 Избы въ немъ и церкви и снѣга...
 Далеко до свѣта, — чуть сѣрѣютъ
 Мерзлыя окошечки... Но вотъ
 Слышитъ князь: опять зовутъ и млѣютъ
 Звоны какъ бы ангельскихъ высотъ!
 Въ Полоцкѣ звонятъ, а онъ иное
 Слышитъ въ тонкой грезѣ... Что года
 Горестей, изгнанья! Неземное
 Сердцемъ онъ запомнилъ навсегда.

ПѢСНЯ

Мнѣ вечеръ, молодой, скучень теремъ былъ,
Темень свѣтъ-ночникъ, страшень Спасовъ Ликъ.
Вотчимъ-батюшка самоцвѣтъ укрылъ
Въ кипарисовый дорогой тайникъ!

А любезный другъ далеко, въ торгу,
Похваляется для другой конемъ,
Шубу длинную волочить въ снѣгу,
Свѣтитъ ей огнемъ, золотымъ пертстнѣмъ.

24. I. 16

Ты, свѣтлая ночь, полнолунная высь!
 Подайся, засовъ, — распахнись,
Тяжелая дверь, на морозный просторъ,
 На бѣлый сіяющій дворъ!

Ты звонкая ночь, сребролунная даль!
 Ахъ, если бъ не крѣпкая паль,
Не ржавый замокъ, не лихой волкодавъ,
 Не батюшкинъ ласковый нравъ!

24. I. 16.

БОГОМЪ РАЗЛУЧЕННЫЕ

Въ ризы черныя одѣли,
Какъ усопшую отпѣли
Юную княжну.
Ангель келью затворилъ ей,
Старець схимникъ подарилъ ей
Гробъ и пелену.

Дни идутъ. Вдали отъ свѣта
Подвигъ труднаго обѣта
Завершенъ княжной.
Вотъ она въ соборѣ, въ ракъ,
При лампадахъ, въ полумракѣ,
Въ тишинѣ ночной.

Смутны своды золотые,
Тайно воинства свята
Свѣтять на стѣнахъ,
И стоять, у кипарисной
Дивной раки, съ рукописной
Книгою, монахъ.

Синій бархатъ гробно вышить
Серебромъ... Она не дышитъ,
Ликъ ея сокрытъ...
Но блѣднѣетъ онъ, читая,
И скользить слеза, блистая,
Вдоль сухихъ ланить.

КАДИЛЬНИЦА

Въ горахъ Сициліи, въ монастырѣ забытомъ,
По храму темному, по выщербленнымъ плитамъ,
Въ разрушенный алтарь пастухъ меня привель,
И увидаль я тамъ: стоитъ нагой престоль,
А передъ нимъ, въ пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давнымъ-давно пустая,
Лежить кадилаица — вся черная внутри
Отъ угля и смолы, пылавшихъ въ ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

25. I. 16.

ПОРА

Когда-то, надъ тяжелой баркой
Съ широкодонною кормой,
Не мало дней въ лазури яркой
Качались снасти надо мной...

Пора, пора мнѣ кинуть сушу,
Вздохнуть свободнѣй и полнѣй —
И вновь крестить нагую душу
Въ купели неба и морей!

25. I. 16

РАЙСКОЕ ДРЕВО

Въ старой книгѣ картинка: свивается зыбко по Древу,
Водить, тянется въ воздухѣ плоской головкой своей,
Ищетъ жаломъ дрожащимъ нагую прекрасную Еву
Искушающій Змѣй.

А какіе на Древѣ цвѣты и плоды наливные!
А какіе кусты, кипарисы и пальмы вдали!
Спитъ Адамъ у ручья. Носороги, медвѣди ручные,
Лани, тигры и барсы въ тѣни полегли.

И стройна, высока волосами прикрытая Ева,
И къ ногѣ ея круглой склоняется гривою левъ,
И въ коронѣ павлинь громко кличетъ съ цвѣтушаго
Древа

О блаженномъ стыдѣ искушаемыхъ дѣвѣ.

ДУРМАНЪ

Дурману дѣвочка наѣлась,
 Тошнить, головка разболѣлась,
 Пылають щечки, клонить въ сонъ,
 Но сердцу сладко, сладко, сладко:
 Все непонятно, все загадка,
 Какой-то звонъ со всѣхъ сторонъ:

Звонъ дивный — слышный и не слышный,
 Миръ и невидимый и пышный, —
 Она глядитъ на садъ, на дворъ,
 Идетъ къ избѣ и понимаетъ,
 Куда идетъ, — дорогу знаетъ,
 Но очарованъ слухъ и взоръ:

Не видя, видитъ взоръ иное,
 Чудесное и неземное,
 Не слыша, ясно ловить слухъ
 Восторгъ гармоніи небесной —
 И невѣсомой, безтѣлесной
 Ее довель домой пастухъ.

На утро губки почернѣли,
 Лобъ посинѣлъ... Ее одѣли,
 Принарядили — и отецъ
 Прикрылъ ее сосновой крышкой
 И на погостъ отнесъ подмышкой...
 Ужели сказочкѣ конецъ?

СОНЪ

По снѣжной полянѣ,
При мглистой и быстрой лунѣ,
Въ безлюдной, нѣмой сторонѣ,
Несутъ меня сани.

Лежу, какъ мертвецъ,
Возница мой гонить и воетъ,
И ликъ свой то кажется, то кроетъ
Небесный бѣглець.

И мчатся олени,
Глубоко и жарко дыша,
Въ далекія тундры спѣша,
И мчатся ихъ тѣни —

Туда, гдѣ конецъ
Страны этой бѣдной, суровой,
Гдѣ блещетъ алмазной подковой
Полярный Вѣнецъ, —

И мерзлый кочкарникъ
Визжитъ и стучитъ подо мной,
И Богъ озаряетъ луной
Снѣга и кустарникъ.

30. I. 16

ЦИРЦЕЯ

На треножникъ богиня садится:
Блѣдно-рыжее золото косъ,
Зелень глазъ и трепещущій носъ —
Въ мѣдномъ зеркалѣ все отразится.

Тонко бархатомъ риса покрытъ
Нѣжный ликъ, розовато-тѣлесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещуть серьги, скользя вдоль ланитъ.

И Улиссъ говорить: «О, Цирцея!
Все прекрасно въ тебѣ: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сіяющій локоть, и шея!»

А богиня съ улыбкой: «Улиссъ!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушкомъ апельсиннымъ межъ ними,
По спинѣ убѣгающимъ внизъ!»

На Альпы къ сумеркамъ нисходятъ облака.
Все мокро, холодно. Зеленая рѣка
Стремить свой шумный бѣгъ по черному ущелью
Къ морскимъ крутымъ волнамъ, гудящимъ на пескѣ,
И зоркіе огни краснѣютъ вдаль,
Во тьмѣ отъ Альпъ и тучъ, подъ горной цитаделью.

31. I. 16.

У ГРОБНИЦЫ ВИРГИЛИЯ

Дикій лавръ и плющъ и розы,
Дѣти, тряпки по дворамъ
И коричневая козы
Въ сорныхъ травахъ по буграмъ,

Безъ границы и безъ края
Моря вольные края...
Вѣрю — зналъ ты, умирая,
Что твоя душа — моя.

Зналь поэтъ: опять весною
Будеть смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому — не все ль равно!

Запахъ лавра, запахъ пыли,
Теплый вѣтеръ... Счастливъ я,
Что моя душа, Virgilij,
Не моя и не твоя.

ВЪ ПУСТОМЪ ДОМѢ

Синіе обои полиняли,
Образа, дагерротипы сняли —
Только тамъ остался синій цвѣтъ,
Гдѣ они висѣли много лѣтъ.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что нѣкогда любило!
Только тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣдъ.

31. I. 16.

Лиманъ пескомъ отъ моря отдѣлень.
Когда садится солнце за Лиманомъ,
Песокъ бываетъ ярко позлащень.

Онъ весь въ рыбалкахъ. Бѣлымъ караваномъ
Стоять онѣ на грани водъ, на той,
Откуда вѣть вѣтромъ, океаномъ.

Въ лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернѣетъ синью вороненой
Изъ-за косы песчано-золотой.

И вотъ я слышу ропотъ отдаленный:
Навстрѣчу крѣпкой свѣжести воды,
Вдыхая вѣтеръ, вольный и соленый,

Вдругъ зашумѣли бѣлые ряды
И стоя машутъ длинными крылами...
Земля, земля! Несчетные слѣды

Я на тебѣ оставилъ. Я годами
Блуждалъ въ твоихъ пустыняхъ и моряхъ.
Я мѣрилъ неустанными стопами

Твой всюду дорогой для сердца прахъ:
Но нѣтъ, во вѣкъ не утолю я муки —
Любви къ тебѣ! Какъ чайки на пескахъ,

Опять впередъ я простираю руки.

ЗЕРКАЛО

Темнѣть зимній день, спокойствіе и мракъ
Нисходятъ на душу — и все, что отражалось,
Что было въ зеркалѣ, померкло, потерялось...
Вотъ такъ и смерть, да, можетъ быть, вотъ такъ.

Въ могильной темнотѣ одна моя сигара
Краснѣть огонькомъ, какъ дивный самоцвѣтъ:
Погаснетъ и она, развѣется и слѣдъ
Ея душистаго и тонкаго угара...

Кто это заигралъ? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркія вдоль клавишъ побѣжали?
Душа моя полна восторга и печали —
Я не боюсь могильной темноты.

МУЛЫ

Подъ сводомъ хмурыхъ тучъ, спокойствіемъ объятыхъ, —
 Ненастный день темнѣль и ночь была близка, —
 Грядой далекихъ горъ, молочно-синеватыхъ,
 На грани мертвыхъ водъ лежали облака.

Я съ острова глядѣль на море и на тучи,
 Остановясь въ пути, — и горный путь, вѣясь
 Въ обрывѣ сизыхъ скаль, бѣлѣль по дикой кручѣ,
 Гдѣ шли и шли они, подъ ношею клонясь.

И звукъ ихъ бубенцовъ, размѣренный, печальный,
 Мнѣ говорилъ о томъ, что я въ странѣ чужой,
 И душу той страны, глухой, патріархальной,
 Далекой для меня, я постигалъ душой.

Вотъ такъ же шли они при Цезаряхъ, при Ремѣ,
 И такъ же день темнѣль, и вдоль скалистыхъ кручъ
 Лѣпился городокъ, сырой, забытый всѣми,
 И человѣкъ скорбѣль подъ сводомъ хмурыхъ тучъ.

ПСАЛТИРЬ

Блѣдносиній загадочный ликъ
На увядшія розы поникъ,

И свѣтильники гробъ золотятъ
И прозрачно струится ихъ чадь.

— Дни мои отошли, отцвѣли,
Я бездомный и чуждый земли:

Да возрадуется духъ мой Господь,
Въ свѣтъ и жизнь облечетъ мою плоть!

Если крылья, какъ птица, возьму,
И низринусь въ подземную тьму,

Если горнихъ достигну глубинъ, —
Всюду Ты, и всегда, и Единъ:

Укажи мнѣ прямые пути
И въ какую мнѣ тварь низойти.

МИНЬОНА

Въ горахъ, отъ снѣга побѣлѣвшихъ,
Туманно къ вечеру синѣвшихъ,
Тащилась на спинѣ осла
Вязанка сучьевъ почернѣвшихъ,
А я, въ лохмотьяхъ, слѣдомъ шла.

Вдругъ сзади крикъ — и вижу: сзади
Несется съ гуломъ, полный клади,
На дышлѣ съ фонаремъ, дормезъ:
Едва метнулась я къ оградѣ,
Какъ онъ, мелькнувъ, уже исчезъ.

Въ сѣдыхъ мѣхахъ, высокъ и строень,
Прекрасень, царственно спокоень
Былъ путешественникъ... Меня-ль,
Босой и нищей, онъ достоинъ
И какъ ему меня не жаль!

Вотъ сплю въ лачугѣ закопченной,
А онъ сравнить меня съ Мадонной,
Съ лучомъ небеснаго огня,
Онъ назоветъ меня Миньоной
И влюбитъ цѣлый міръ въ меня.

ЛЮДМИЛА

На западѣ весною подѣ вечерѣ тучи сини,
 Сырой землею пахнетъ, бальзамомъ тополей.
 Я бросилъ фортепяны, пошелъ гулять въ долину,
 Среди своихъ спокойныхъ селеній и полей.

Сосѣдскій садъ сквозится по скатамъ за рѣкою,
 Еще пустой, весенній, онъ грустенъ, какъ всегда.
 Вонъ голая аллея съ завѣтною скамьею,
 Стволы березъ поникшихъ бѣлѣютъ въ два ряда.

И видѣлъ я, какъ тихо ты по саду бродила,
 Въ весеннемъ легкомъ платьѣ... Простудишься,
 дружокъ!

Отъ тучи садъ печалень, а ты, моя Людмила?
 Отъ нѣжныхъ думъ и счастья? Отъ чыхъ-то милыхъ
 строкъ?

Ночной весенній ливень, съ какимъ онъ шумомъ
 хлынулъ!

Какъ сладко въ черномъ мракѣ его земля пила!
 Зажгли мнѣ восемь свѣчекъ, и я пасьянсъ раскинулъ,
 И свѣчки длились блескомъ въ зеркальности стола.

ИНДИЙСКІЙ ОКЕАНЪ

Надъ чернотой твоихъ пучинъ
Горѣли дивныя свѣтила,
И тяжело зыбь твоя ходила
Взрывая огнь беззвучныхъ минъ.

Она глаза слѣпила намъ
И мы блѣднѣли въ быстромъ свѣтѣ,
И сине-огненные сѣти
Текли по медленнымъ волнамъ,

И снова, шумень и глубокъ,
Ты возставалъ и загорался —
И отъ звѣзды къ звѣздѣ шатался
Великой тростью зыбкій фокъ.

За валомъ встрѣчный валъ бѣжалъ
Съ дыханьемъ пламеннымъ муссона,
И хвостъ алмазный Скорпіона
Надъ чернотой твоей дрожалъ.

КОЛИЗЕЙ

Дуль теплый вѣтеръ. Точно сѣя
Вечерній сумракъ, жукъ жужжалъ.
Щербатый остовъ Колизея
Какъ чаша подо мной лежалъ.
Чернѣли и зіяли стѣны
Вокругъ меня. Въ глазницы ихъ
Синѣла ночь. Пустырь арены
Былъ въ травахъ, жесткихъ и сухихъ...
Свѣтъ лунный, вѣчный, неизмѣнный,
Какъ тонкій дымъ бѣлѣлъ на нихъ.

13. II. 16.

МОЛОДОСТЬ

Въ сухомъ лѣсу стрѣляетъ длинный кнутъ,
Въ кустарникѣ трещать коровы,
И синіе подснежники цвѣтутъ,
И подъ ногами листь шуршитъ дубовый.

И ходять дождевыя облака,
И свѣжимъ вѣтромъ въ сѣромъ полѣ дуётъ,
И сердце въ тайной радости тоскуетъ,
Что жизнь, какъ степь, пуста и велика.

7. IV. 16

АЛЕНУШКА

Аленушка въ лѣсу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячіе,
Блескучіе, стоячіе,
Мала, мала Аленушка,
А пьеть съ отцемъ — до донушка.
Пошла она въ лѣса гулять,
Желалося любовь понячь,
Да кто въ лѣсу встрѣчается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Лѣсной жарой измучилась,
Зажгла она большой костерь,
А въ сушь огонь куда востерь!
Сожгла лѣса Аленушка
На тыщу версть, до пенушка,
И гдѣ сама дѣвалася —
Донынѣ не узналося!

За степью, въ приволжскихъ пескахъ,
 Широкое алое солнце тонуло.
 Ребенокъ уснулъ у тебя на рукахъ,
 Ты вышла изъ душной кибитки, взглянула
 На кровь, что въ зеркальныя соли текла,
 На солнце, лежавшее точно на блюдѣ, —
 И сладкой отрадой степного, сухого тепла
 Подуло въ лицо твое, въ потныя смуглыя груди.
 Великій былъ станъ за тобой:
 Скрипѣли колеса, верблюды ревѣли,
 Костры, разгораясь, въ дыму пламенѣли
 И пыль, поднималась багровою тьмой.
 Ты, дѣвочка, тихая сердцемъ и взоромъ,
 Ты знала ль въ тотъ вечеръ, садясь на песокъ
 Что сонный ребенокъ, державшій твой темный сосокъ,
 Тотъ самый Моголь, о которомъ
 Во вѣки вѣковъ не забудетъ земля?
 Ты знала ли, Мать, что и я
 Возславлю его, — что не надо мнѣ рая,
 Христа, Галилеи и лилій ея полевыхъ,
 Что я не смиреннѣе ихъ, —
 Атиллы, Тимура, Мамая,
 Что я ихъ достоинъ, когда,
 Наскучивъ таиться за ложью,
 Рву древнюю хартію Божью,
 Насилую, рѣжу, и граблю, и жгу города?
 — Погасла за степью слюда,
 Дрожащее солнце въ пескахъ потонуло.
 Ты скучно въ померкшее небо взглянула
 И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
 Несмѣтною ратью чернѣли воза,
 Въ синѣющей ночи прохладой и горечью дуло.

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

То не красный голубь метнулся
Темной ночью надъ черной горою —
Въ черной тучѣ метнулась зарница,
Освѣтила плетни и хаты,
Громоу гремя далекииъ.

— Ваша королевская милость,
Говорить королю Елена.
А король на коня садится,
Пробуетъ, крѣпки-ль подпруги,
И лица Елены не видитъ, —
Ваша королевская милость,
Пожалѣйте ваше королевство,
Не ѣздите ночью въ горы:
Вражій станъ, ваша милость, близко.

Король молчить, ни слова,
Пробуетъ, крѣпко ли стремя.

— Ваша королевская милость,
Говорить королю Елена,
Пожалѣйте дѣтей своихъ малыхъ,
Молодую жену пожалѣйте,
Жениха моего пошлите!

Король въ отвѣтъ ей ни слова,
Разбираетъ въ темнотѣ поводья,
Смотрить, какъ свѣтитъ на горѣ зарница.

И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
— Вы у насъ ночевали въ хатѣ,
Ваша королевская милость,
На бѣду мою ночевали,
На мое великое счастье.
Побудьте еще хоть до свѣта,
Отца моего пошлите!

Не пушки въ горахъ грохочутъ —
Громъ по горамъ ходить.
Проливной ливень въ лужахъ плещеть,
Синяя зарница освѣщаетъ
Дождевыя длинныя иглы,
Вороненую черноту ночи,
Мокрыя соломенныя крыши,
Пѣтухи поютъ по деревнѣ, —
То ли спросонья, съ испугу,
То ли къ веселой ночи...
Король сидитъ на крыльцѣ хаты.

Ахъ, хороша, высока Елена!
Смѣло шагаетъ она по навозу.
Ловко засыпаетъ коню корма.

ЦЕЙЛОНЪ

Окраина земли,
Безлюдныя пустынныя побережья,
До полюса открытый океанъ...

Матара — фортъ голландцевъ. Рвы и стѣны,
Ворота въ нихъ... Тѣнистая дорога
Въ кокосовомъ лѣсу, среди кокосовъ —
Лачуги сингалесовъ... Справа блескъ,
Горячій зной сухихъ песковъ и моря...

Мысь Дондра въ старыхъ пальмахъ. Тутъ свѣжѣй,
Муссономъ, сладко тянеть, подъ верандой
Гостиницы на сваяхъ — шумъ воды:
Она, крутясь, перемываетъ камни,
Кипить атласной пѣной...

Дальше — край,
Забутый Богомъ. Джунгли низкорослы,
Холмисты, безграничны. Бѣлой пылью
Слѣпить глаза... Мѣняють лошадей,
Толпятся дѣти, нищѣ... И снова
Глядишь на раскаленное шоссе
На бухты океана. Пчелоѣды,
Въ зелено-синихъ перьяхъ, отдыхаютъ
На золотистыхъ нитяхъ телеграфа...

Лагуна возлѣ Ранны — какъ сапфиръ.
 Вокругъ алѣютъ розами фламинги,
 По лужамъ дремлютъ буйволы. На нихъ
 Стоять, бѣлѣютъ цапли, и съ жужжаньемъ
 Сверкаютъ мухи... Сверху, изъ листвы,
 Круглятъ глаза большія обезьяны...

Затѣмъ опять убогое селенье,
 Десятокъ нищихъ хижинъ. Въ океанѣ,
 Въ закатномъ блескѣ, — розовыя пятна
 Недвижныхъ парусовъ, а сзади, въ джунгляхъ, —
 Сиреневыя горы... Ночью въ окна
 Глядитъ луна... А утромъ, въ голубомъ
 И чистомъ небѣ — Коршуны Браминовъ,
 Кофейные, съ фарфоровой головкой:
 Слѣдятъ въ прибоѣ рыбу...

Вновь дорога:
 Лазеревое озеро, въ кольцѣ
 Изъ бѣлой соли, заросли и дебри.
 Все дико и прекрасно, какъ въ Эдемѣ,
 Торчатъ шипы акацій, защищая
 Узорную нѣжнѣйшую листву,
 Цвѣтами рдѣютъ кактусы, сѣрѣютъ
 Стволы въ густыхъ ліанахъ... Какъ огонь
 Пылаютъ чаши лиліи ползучей,
 Тѣмы мотыльковъ трепещутъ... На полянѣ
 Лежить громада бурая: удавъ...
 Вотъ медленно клубится, уползаетъ...

Встрѣчаются двуколки. Крыши ихъ,
 Соломенные, длинно выступаютъ
 И спереди и сзади. Въ крупъ бычковъ,
 Запряженныхъ въ двуколки, тычутъ палкой:

«Мекъ, мекъ!» — кричитъ погонщикъ, весь нагой,
 Съ прекраснымъ чернымъ тѣломъ... Вотъ пески,
 Пошли пальмиры, — ходять въ синемъ небѣ
 Ихъ вѣрные листья — распѣвають
 По джунглямъ пѣтухи, но тонко, странно,
 Какъ наши молодые... Въ высотѣ
 Кружатъ орлы, трепещетъ зоркій соколь...
 Въ травѣ перебѣгаютъ граціозно
 Песочники, бекасы... На деревьяхъ
 Сидятъ въ вѣнцахъ павлины... Вдругъ бревномъ
 Промчался крокодилъ — шлепъ въ воду —
 И точно порохомъ взорвало рыбокъ!

Тутъ часто слонъ встрѣчается: стоитъ
 И дремлетъ на полянѣ, на припекѣ;
 Есть леопардъ, — онъ лакомка, онъ жретъ,
 Когда убьетъ собаку, только сердце;
 Есть кабаны и губачи медвѣди;
 Есть дикобразъ, — бѣжить на водопой,
 Поднявъ щетину, страшно дѣловито,
 Угрумо, озабоченно...

Отсюда,
 Отъ этихъ джунглей, этихъ береговъ
 До полюса открыто море...

ОТЛИВЪ

Въ кипящей пѣнѣ валуны,
 Волна, блистая, заходила —
 Ее ужь тянеть, тянеть Сила
 Входящей за моремъ луны.

Во тѣмѣ кокосовыхъ лѣсовъ
 Горять стволы, дробятся тѣни —
 Луна глядитъ — и, въ блескѣ, въ пѣнѣ,
 Спѣшитъ волна на тайный зовъ.

И будетъ часъ: луна въ зенитъ
 Войдетъ и станетъ надо мною,
 Лѣса затопить бѣлизною,
 И мертвый обнажить гранитъ,

И міръ застынетъ — на вѣсу,
 И выйду я одинъ — и буду
 Глядѣть на каменнаго Будду,
 Сидящаго въ пустомъ лѣсу.

28. VI. 16

БОГИНЯ

Навѣсь кумирни, жертвенникъ въ жасминѣ —
И дѣвственницъ склоненныхъ бѣлый рядъ.
Тростинки благовонныя чадятъ
Передъ хрустальной статуей богини,
Потупившей свой узкій, козій взглядъ.

Лѣсъ, утро, зной. То зелень изумруда,
То хризолиты свѣтятъ въ хрусталѣ.
На кованомъ изъ золота столѣ
Сидитъ она спокойная, какъ Будда,
Пречистая въ раю и на землѣ.

И взглядъ ея, загадочный и зыбкій,
Мерцаетъ все безстрастнѣй и мертвѣй
Изъ-подъ косыхъ приподнятыхъ бровей,
И тонкою недоброю улыбкой
Чуть озарень блестящій ликъ у ней.

СВЯТИЛИЩЕ

Сверкала Ступа снѣжной бѣлизною
 Межъ тонкихъ и нагихъ кокосовыхъ стволовъ
 И Храмовое Дерево отъ зною
 Молочный цвѣтъ роняло надо мною
 На черный камень жертвенныхъ столовъ.

Подъ черепицей низкая вихара
 Таила Господа въ святилищѣ своемъ,
 И я вошелъ въ часъ солнечнаго жара
 Въ его пріютъ, принесъ ему два дара —
 Цвѣты и рисъ — и посвѣтилъ огнемъ:

Покоился онъ въ сумракѣ пахучемъ,
 Расписанъ золотомъ и лаками, плѣнень
 Полдненнымъ сномъ, блаженнымъ и тягучимъ;
 Къ его плечамъ, округлымъ и могучимъ,
 Вдоль по груди всползаль хамелеонъ:

Горѣлъ какъ яръ, сощутивъ глазъ кошачій,
 Дуль горло желтое и плетью опустилъ
 Эмаль хвоста, а лапы раскарячилъ;
 Зубчатый гребень, огненно-горячій,
 Былъ ярче и острѣ адскихъ пиль.

И адскими картинами блистала
 Вся задняя стѣна, — на страхъ душѣ земной,
 И сушью раскаленного металла
 Вихара полутемная дышала —
 И вышелъ я на вольный свѣтъ и зной.

И снова сѣлъ въ двуколку съ сингалесомъ,
 И голый сингалесь, коричневый Адамъ,
 Погналъ бычка подъ вѣрнымъ навѣсомъ
 Высокихъ пальмъ, сквознымъ и жаркимъ лѣсомъ,
 Къ священнымъ водоемамъ и прудамъ.

ФЕСКА

Мятую красную феску мастеръ водой окропилъ,
 Кинулъ на мѣдный горячій болванъ и, покрывши
 Мѣдною феской, формою съ ручками, давить,
 Крутить за ручки, а красная феска шипить
 На раскаленномъ болванѣ...

Твердая, теплая выйдетъ изъ формы она,
 Гордо надѣнешь ее и въ кофейнѣ
 Сядешь мечтать и курить, не стыдятся за лохмотья
 И за курдюкъ на верблюжьихъ штанахъ, весь въ
 заплатахъ.

Холодно, сыро, въ туманѣ морской горизонтъ,
 Въ бухтѣ зеленой качаются голыя мачты,
 Липкая грязь на базарѣ,
 Горы въ свинцовомъ дыму... Но цвѣтутъ, розовѣютъ
 сады,

Мглистыя, синія сладостно дремлютъ долины...
 Женщина, глянь, проходя, сквозь сіяющій шелковый
 газъ

На золотые усы и на твердую красную феску!

КОНЧИНА

И скрылось солнце жаркое въ лѣсахъ,
И звѣздная пороша забѣлѣла.
И понялъ онъ: достигнувшій предѣла,
Исчисленный, онъ взвѣшенъ на вѣсахъ.

Вотъ точно дуновенье въ волосахъ,
Вотъ снова сердце пало и сомлѣло:
Какъ стынеть лѣсъ, что мигъ хладѣетъ тѣло,
И блещетъ снѣгомъ пропасть въ небесахъ.

Въ епитрахили, въ поручахъ, съ Распятьемъ,
Отъ скуднаго, послѣдняго тепла,
Навстрѣчу чьимъ-то ледянымъ объятьямъ,
Выходитъ онъ изъ темнаго дупла.

Трава въ росѣ. Болото дымомъ млечнымъ
Лежить въ лѣсу. Онъ на колѣняхъ. Съ Вѣчнымъ.

РУСЛАНЪ

Гранитный крестъ межъ сосень, на песчаномъ
Крутомъ курганѣ. Дальше — золотой
Горячій блескъ: тамъ море, тамъ, въ стеклянномъ
Просторѣ водъ — міръ дивный и пустой...
А крестъ надъ кѣмъ? Да, бають, надъ Русланомъ.

И сходятъ на-земь съ сѣделъ псковичи,
Сымають съ плечъ тяжелыя мечи
И преклоняють шлемы предъ курганомъ,
И зоркая сорока подъ крестомъ
Качаетъ длиннымъ траурнымъ хвостомъ,
Вдоль по песку на блескъ моря скачетъ —
И что-то прячетъ, прячетъ...

Морской просторъ — въ доспѣхѣ золотомъ.

16. VII. 16.

Край безъ исторіи... Все лѣсъ да лѣсъ, болота,
 Трясины. заводи въ ольхѣ и тростникахъ,
 Въ столѣтнихъ яворахъ... На дальнихъ облакахъ —
 Заката лѣтняго краса и позолота,
 Вокругъ тепло и блескъ. А на низахъ ужъ тѣнь,
 Холодный сивый дымъ... Стою, рублю кремень,
 Курю, стираю потъ... Жаръ стынетъ — остро, сыро
 И пряно пахнетъ глушь. Невидимаго клира
 Тончайшіе поютъ и ноютъ голоса.
 Столбомъ толчется гнусь, таинственно и слабо
 Свистять въ кугѣ ужи... Вотъ гаснетъ полоса
 Чуть грѣющихъ лучей, вотъ заклохтала жаба
 Въ дымящейся водѣ... Колтунный край древянь,
 Русь кіевскихъ князей, медвѣдей, лосей, туровъ,
 Полѣсье бортниковъ и черныхъ смолокуровъ —
 И теплыхъ сумерекъ краснѣющей шафранъ.

ПЛОТЫ

Съ востока дуетъ холодомъ, чернѣетъ зыбь рѣки
Напротивъ солнца низкаго и плещетъ на пески.

Проходить зелень блѣдная, на отмеляхъ кусты,
А ей навстрѣчу — желтые сосновые плоты.

А на плотяхъ, что движутся съ громадою рѣки
Напротивъ зыби плещущей, орутъ плотовщики,

Мужицкимъ пахнетъ варевомъ, костры въ дыму
трещать —
И рдѣетъ краснымъ заревомъ на холодѣ закатъ.

16. VII. 16.

Полночный звонъ степной пустыни,
Покой небесъ, тепло земли
И горькій медъ сухой полыни
И блѣдность звѣздная вдали.

Что слушаетъ моя собака?
Внѣ жизни мы и внѣ времянь.
Звонящій сонъ степного мрака
Самимъ собой заморожень.

22. VII. 16.

ДѢДУШКА ВЪ МОЛОДОСТИ

Вотъ этотъ домъ, сто лѣтъ тому назадъ,
Быль полонъ предками моими,
И было утро, солнце, зелень, садъ,
Роса, цвѣты, а онъ глядѣлъ живыми
Сплошь темными глазами въ зеркала
Богатой спальни деревенской
На свой камзолъ, на красоту чела,
Изысканно, съ заботливостью женской
Напудренъ рисомъ, надушень,
Межъ тѣмъ, какъ пахло жаркою крапивой
Изъ-подъ окна открытаго, и звонъ,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминалъ, что въ должный срокъ
Пойдетъ онъ по аллеямъ, гдѣ струится
Съ полей нагрѣтый солнцемъ вѣтерокъ
И золотистый свѣтъ дробится
Въ тѣни раскидистыхъ березъ,
Гдѣ на куртинахъ дикихъ розъ,
Въ блаженствѣ ослѣпительнаго блеска,
Впиваютъ пчелы теплый медъ,
Гдѣ иволга то вскрикиваетъ рѣзко,
То окариною поетъ,
А вдалькѣ, за валомъ сада,
Спѣшитъ народъ, и краше всѣхъ — она,
Стройна, нарядна и скромна,
Съ огнемъ потупленнаго взгляда.

Архистратигъ средневѣковый,
Написанный вѣка тому назадъ
На церковкѣ одноголовой,
Быль тонконогъ, весь въ стали и крылатъ.
Кругомъ чернѣль холмистый боръ сосновый,
На озерѣ, внизу, стояль посадъ.
Текли года. Посадскіе мѣщане
Къ нему ходили на поклонъ.
Питались тѣмъ, чѣмъ при царѣ Иванѣ, —
Поставкой въ городъ дrevка для иконъ,
Корытъ, латковъ, — и правилъ Рыцарь строгій
Работой ихъ, заботой ихъ убогой,
Да хмуриль брови тонкія свои
На пѣсни и кулачные бои.
Онъ говорилъ всей этой жизни брeнной,
Глухой, однообразной, неизмѣнной,
Про дивный міръ Небеснаго Царя, —
И освѣщала съ грустью сокровенной
Его съ заката блѣдная заря.

23. VII. 16

Хозяинъ умеръ, домъ забить,
Цвѣтеть на стеклахъ купорось,
Сарай крапивою зарось,
Варокъ, давно пустой, раскрыть
И по хлѣвамъ чадить навозъ...
Жара, страда... Куда летить
Черезъ усадьбу шалый песь?

На голомъ остовѣ варка
Ночуютъ старые сычи,
Днемъ въ тополяхъ орутъ грачи,
Но тишина такъ глубока,
Какъ будто въ мирѣ нѣтъ людей...
Мелѣтъ теплая рѣка,
Въ степи желтѣетъ море ржей...
А онъ летить — хрипять бока
И пѣна льется съ языка.

Летить стрѣлою черезъ дворъ
И черезъ садъ и дальше, въ степь,
Кровавъ и мутенъ ярый взоръ,
Оскаленъ клыкъ, на шеѣ цѣпь...
Помилуй Богъ, спаси Христось,
Сорвался песь, взбѣсился песь!

Вотъ рожь горить, зерно течеть,
Да кто-же будетъ жать, вязать?

Вотъ дымъ валить, набать гудеть,
Да кто-жь рѣшится заливать?
Вотъ встанеть бѣсноватыхъ рать
И какъ Мамай всю Русь пройдетъ...
Но пусто въ мірѣ — кто спасеть?
Но Бога нѣтъ — кому карать?

23. VII. 16.

ПОСЛѢДНІЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящій пѣвучей струной,
Ты зачѣмъ залетаешь въ жильѣ человѣчье
И какъ будто тоскуешь со мной?

За окномъ свѣтъ и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки послѣдніе дни,
Полетай, погуди — и въ засохшей татаркѣ,
На подушечкѣ красной, усни.

Не дано тебѣ знать человѣческой думы,
Что давно опустѣли поля,
Что ужъ скоро въ бурьянъ сдуетъ вѣтеръ угрюмый
Золотого сухого шмеля!

Настанетъ день — исчезну я,
А въ этой комнатѣ пустой
Все то же будетъ: столъ, скамья
Да образъ, древній и простой.

И такъ же будетъ залетать
Цвѣтная бабочка въ шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И такъ же будетъ неба дно
Смотрѣть въ открытое окно,
И море ровной синевою
Манить въ просторъ пустынный свой.

10. VIII. 16

ПАМЯТИ ДРУГА

Вечернихъ тучъ надъ моремъ шла гряда,
 И золотисто-свѣтлыми столпами
 Сіяла безграничная вода,
 Какъ небеса лежавшая предъ нами.
 И ты сказалъ: «Послушай, гдѣ, когда
 Я прежде жилъ? Я странно боленъ — снами,
 Тоской о томъ, что прежде былъ я Богъ...
 О, еслибъ вновь обнять весь міръ я могъ!»

Ты вѣрилъ, что откликнется мгновенно
 Въ моей душѣ твой бредъ, твоя тоска.
 Какъ помню я усмѣшку, нежданно
 Твои уста кривившую слегка,
 Какъ эта скорбь и жажда — быть вселенной,
 Полями, моремъ, небомъ — мнѣ близка!
 Какъ остро мы любили міръ съ тобою
 Любовью неразгаданной, слѣпою!

Тѣ радости и муки безъ причинъ,
 Та сладостная боль соприкасання
 Душой со всѣмъ живущимъ, что одинъ,
 Ты раздѣлялъ со мною, — нѣтъ названья,
 Нѣтъ имени для нихъ, — и до сѣдня
 Я донесу порывы возсозданья
 Своей любви, своихъ плѣненныхъ силъ...
 А ты ихъ вольной смертью погасилъ.

И правъ ли ты, не превозмогшій тѣсной
Судьбы своей и жребія творца,
Лишеннаго гармоніи небесной,
И для чего я мучусь безъ конца
Въ стремленьи вновь дать нѣкій видъ тѣлесный
Чертамъ ужъ безтѣлеснаго лица,
Зачѣмъ я этотъ вечеръ вспоминаю,
Зачѣмъ ищу ничтожныхъ словъ, — не знаю.

12. VIII. 16

НА НЕВСКОМЪ

Колеса острый снѣгъ взрывали и скрипѣли,
 Два воронныхъ надменно пролетѣли,
 Каретный кузовъ быстро промелькнулъ,
 Блеснувъ уютомъ стеколъ незамерзлыхъ,
 Слуга, сидѣвшій съ кучеромъ на козлахъ,
 Отъ вихрей голову нагнулъ,
 Поджалъ губу, синѣвшую щетиной,
 И вѣтеръ вѣялъ красной пелериной
 Въ орлахъ на позументѣ золотомъ...
 Все пронеслось и скрылось за дворцомъ,
 Въ темнѣющемъ буранѣ... Зажигали
 Огни въ несмѣтныхъ окнахъ вокругъ меня,
 Чернѣли грубо баржи на каналѣ,
 И на мосту, съ дыбящаго коня
 И съ бронзоваго юноши нагого,
 Повисшаго у дикихъ конскихъ ногъ,
 Дымились клочья праха снѣгового...

Я молодъ былъ, безвѣстенъ, одинокъ
 Въ чужомъ мнѣ мирѣ, сложномъ и огромномъ.
 Я долго позабыть не могъ
 Объ этомъ вечерѣ бездомномъ.

ПОМПЕЯ

Помпея! Сколько разъ я проходилъ
По этимъ переулкамъ! Но Помпея
Казалось мнѣ скучнѣй пустыхъ могилъ,
Мертвѣй и чище новаго музея.

Я-ль виновать, что все перезабылъ:
И гдѣ кто жилъ, и гдѣ какая фея
Въ нагихъ стѣнахъ, безъ крыши, безъ стропиль;
Шла въ хороводъ, прозрачной тканью вѣя!

Я помню только грубые слѣды,
Протертые колесами въ воротахъ,
Туманъ долинъ, Везувій и сады.

Была весна. Какъ медъ въ незримыхъ сотахъ,
Я въ сердцѣ жадно, радостно копилъ
Избытокъ силъ — и только жизнь любилъ.

КАЛАБРИЙСКИЙ ПАСТУХЪ

Лохмотья, ножъ — и цвѣта черной крови
Недвижные глаза...
Сонъ давнихъ дней на этой древней нови.
Поютъ дрозды. Пять-шесть овецъ, коза.

Кругомъ, въ пустынь каменистой,
Желтѣеть дрокъ. Вдали руины, храмъ.
Вдали полдневныхъ горъ хребетъ лазурно мгlistый
И тѣни облаковъ по выжженнымъ буграмъ.

28. VIII. 16

ЗИМОЙ

Покрывало море свитками
Древней хартіи своей
Берегъ съ глупыми кибитками
Забавлявшихся людей.

Слава Богу — за туманами
Скрылось солнце. Дикъ и грубъ,
Океанъ гремитъ органами,
Гуломъ раковинныхъ трубъ.

Въ свистъ бури крикъ мерещится;
И высокая луна
Ночью прыгаетъ и плещется
Тамъ, гдѣ мечется волна.

29. VIII. 16

АРКАДІЯ

Ключь гремитъ на днѣ тѣснины,
Тѣнь широкая сползла
Отъ горы до половины
Бѣлознойнаго русла.
Истекають, тають сосны
Разогрѣтою смолой,
И Зиждитель скиптроносный
Дышитъ сладостною мглой.
Пастухи его видали:
Онъ покоится въ тѣни,
И раскинуты сандалій
Запыленные ремни.
Золотою скользкой броней,
Хвоей, услана гора —
И тяжка отъ благовоній
Сосенъ темная жара.

29. VIII. 16

Проносились надъ островомъ зимніе шквалы и бури
 То во мглѣ и дождѣ, то въ сіяньи небесной глазури
 И качались, качались цвѣты за стекломъ,
 За окномъ мастерской, въ красныхъ глиняныхъ

вазахъ, —

Отъ дождя на стеклѣ загорались рубины въ алмазахъ
 И свѣжѣе цвѣты расцвѣтали на лонѣ морскомъ.

Вѣтеръ въ рамѣ свисталъ, раздувалъ сѣрый пепель
 въ каминѣ,

Градомъ сѣкъ по стеклу — и опять были ярки и сини
 Средиземнія зыби, глядѣвшія въ домъ,

А за тонкимъ блестящмъ стекломъ,

То на мглѣ дождевой, то на водной синѣвшей пустынѣ,
 Въ золотой пустотѣ голубой высоты,

Все качались, качались дышавшіе моремъ цвѣты.

Проносились февральскіе шквалы. Свѣтлѣе и жарче
 сіяли

Африканскія дали,

И утихли вѣтры, зацвѣли

Въ каменистыхъ садахъ миндали,

Появились туристы въ панамахъ и бѣлыхъ ботинкахъ

На обрывахъ, на козьихъ тропинкахъ —

И къ Сициліи, къ Греціи, къ лиліямъ Божьей Земли,

Къ Палестинѣ

Потянуло меня... И остался лишь пепель въ каминѣ

Въ опустѣвшей моей мастерской,

Гдѣ всю зиму качались цвѣты на синѣвшей пустынѣ
 морской.

Вдемъ боромъ, черными лѣсами.
Вотъ гора, песчаный спускъ въ долину.
Вечерѣть. На горѣ предъ нами
Лѣсъ щетинить новую вершину.

И темнымъ-темно въ той новой чащѣ,
Гдѣ опять скрывается дорога,
И враждебенъ мой ямщикъ молчащій
И надежда въ сердцѣ лишь на Бога,

Да на бѣгъ коней нетерпѣливый,
Да на этотъ нѣжный и пѣвучій
Колокольчикъ, плачущій счастливо,
Что на свѣтѣ все авось да случай.

9. IX. 16

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Таесть, сіяеть луна въ облакахъ.
Яблони въ бѣлыхъ кудрявыхъ цвѣтахъ.

Зыбь облаковъ и мелка и нѣжна.
Возлѣ луны голубая она.

Въ холодѣ голыхъ, прозрачныхъ аллея
Пробуетъ цокать, трещить соловей.

Въ домѣ, ужь темномъ, въ раскрытомъ окнѣ,
Дѣвочка косы плететь при лунѣ.

Сладокъ и новъ ей весенній разсказъ,
Миру разсказанный тысячу разъ.

СРЕДИ ЗВѢЗДЪ

Настала ночь, остыль отъ звѣздъ песокъ.
Скользя въ песокъ, я шель за караваномъ,
И Млечный путь, двоящійся потокъ,
Бѣлѣль надъ нимъ свѣтящимся туманомъ.

Онъ дымчатъ былъ, прозраченъ и высокъ.
Онъ пропадалъ въ горахъ за Иорданомъ,
Онъ ниспадалъ на сумрачный востокъ,
Къ инымъ звѣздамъ, къ забытымъ райскимъ странамъ.

Скользя въ песокъ, шель за верблюдомъ я.
Верблюдь чернѣль, его большое тѣло
На верховомъ качало стволъ ружья.

Сѣдло сухое деревомъ скрипѣло,
И верховой киваль, какъ неживой,
Осыпанной звѣздами головой.

Наполовину вырубленный лѣсъ,
Высокія дрожащія осины
И розовая облачность небесъ:
Ночной порой изъ сумрачной лощины
Въѣзжаю на отлогій косогоръ
И вижу заалѣвшія вершины,
Съ таинственною нѣжностью, въ упоръ
Далекимъ озаренныя пожаромъ.
Остановясь, оглядываюсь: да,
Пожаръ! Но гдѣ? Опять у насъ, — недаромъ
Вчера былъ сходъ! И крѣпко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожій, лепеть въ вышинѣ,
Такой дремотно-сладкій и безстрастный
Къ тому, что *тамъ* и что такъ страшно мнѣ.

27. VI. 17

Вотъ знакомый погостъ у цвѣтной Средиземной волны,
Черный рядъ кипарисовъ въ квадратѣ высокой стѣны.
Я въ калиткѣ желѣзный засовъ отодвину, войду
И увижу часовни, аллеи и гравій въ саду.
Бѣлизна мавзолеевъ сіяетъ на солнцѣ кругомъ,
И мнѣ радостень холодъ, пригрѣтый весеннимъ теп-
ломъ,
Шумъ и свѣжесть валовъ, что, какъ сосны, шумятъ
за стѣной,
И небесъ гіацинтъ въ снѣговыхъ облакахъ надо мной.

29. VIII. 17.

Какъ много звѣздъ на тусклой синевѣ!
Весь небосклонъ въ ихъ траурномъ уборѣ.
Степь выжжена. Густая пыль въ травѣ.
Чернѣеть садъ. За нимъ — обрывы, море.
Оно молчитъ. Весь міръ молчитъ — затѣмъ,
Что въ мірѣ Богъ, а Богъ отъ вѣка нѣмъ.

Сажусь на камень теплаго балкона.
Онъ озаренъ могильно, — блѣдный свѣтъ
Разлить отъ звѣздъ. Не слышно даже звона
Ночныхъ цикадъ... Да, въ мірѣ жизни нѣтъ.
Есть только Богъ надъ горними огнями,
Есть только Онъ, несмѣтный, ветхій днями.

Видь на заливъ изъ садика таверны.
Въ простомъ винѣ, что взялъ я на обѣдъ,
Есть странный вкусъ — вкусъ виноградно-сѣрный —
И розоватый цвѣтъ.

Пью подъ дождемъ, — весна здѣсь прихотлива,
Миндаль цвѣтеть на Капри въ холода, —
И смутно въ синеватой мглѣ залива
Далекіе бѣлѣютъ города.

10. IX. 17

ЛУНА

Настанетъ Ночь моя, Ночь долгая, нѣмая.
Тогда велитъ Господь, творящій чудеса,
Свѣтилу новому взойти на небеса.

— Сіяй, сіяй, Луна, все выше поднимая
Свой, Солнцемъ данный, ликъ. Да будетъ міру вѣсть,
Что День мой догорѣлъ, но слѣдъ мой въ мірѣ — есть.

15. IX. 17

ВОЛНЫ

Смотрить на море старый Султанъ
Изъ сераля, изъ оконъ Дивана:
Въ морѣ пѣнистыхъ волнъ караванъ,
Слышенъ говоръ и гуль каравана:

— «Мы зеленя, въ бѣлыхъ чалмахъ,
Мы къ Стамбулу спѣшимъ издалека, —
Мы сподобились зрѣть, падишахъ,
И пустыню и городъ Пророка!»

Понимаетъ укору Султанъ
И склоняетъ печальныя вѣжды...
За тюрбаномъ бѣлѣетъ тюрбанъ
И зеленя вѣютъ одежды.

ЭПИТАФИЯ

На землѣ ты была точно дивная райская птица
На вѣтвяхъ кипариса, среди золоченыхъ гробницъ.
Юный голосъ звучалъ какъ въ полуденной рошѣ
цѣвница,
Два лучистыя солнца сіяли изъ черныхъ рѣсницъ.

Рокъ отмѣтилъ тебя. На землѣ ты была не жилица.
Красота лишь въ Эдемѣ не знаетъ запретныхъ границъ.

19. IX. 17

Золотыми цвѣтуть остріями
У кровати полночныя свѣчи.
За открытымъ окномъ, въ черной ямѣ,
Шепчетъ садъ безпокойныя рѣчи.

Эта тьма, дождевая, сырая,
Вѣтъ въ горницу свѣжимъ дыханьемъ —
И цвѣты, золотясь, выростая,
На лазурномъ дрожать основаньи.

Засыпаю въ постели прохладной,
Очарованъ ихъ дрожью растущей,
Молодой, беззаботный, съ отрадной
Думой-пѣсней о пѣснѣ грядущей.

19. IX. 17.

СВѢТЪ НЕЗАКАТНЫЙ

Тамъ, въ поляхъ, на погостѣ,
 Въ рошѣ старыхъ березъ,
 Не могилы, не кости —
 Царство радостныхъ грезъ.
 Лѣтній вѣтеръ мотаетъ
 Зелень длинныхъ вѣтвей —
 И ко мнѣ долетаетъ
 Свѣтъ улыбки твоей.
 Не плита, не Распятье —
 Предо мной до сихъ поръ
 Институтское платье
 И сіяющій взоръ.
 Развѣ ты одинока?
 Развѣ ты не со мной
 Въ нашемъ прошломъ, далекомъ,
 Гдѣ и я былъ иной?
 Въ мірѣ круга земного,
 Настоящаго дня,
 Молодого, былого
 Нѣтъ давно и меня!

О радость красокъ! Снова, снова
Лазурь сквозь яркій желтый садъ
Горитъ такъ дивно и лилово,
Какъ будто ангелы глядятъ.

О радость радостей! Нѣтъ, знаю,
Нѣтъ, вѣрю, Господи, что Ты
Вернешь къ потерянному раю
Мои томленья и мечты!

24. IX. 17

Мы рядомъ шли, но на меня
Уже взглянуть ты не рѣшалась,
И въ вѣтрѣ мартовскаго дня
Пустая наша рѣчь терялась.

Блѣли стужей облака
Сквозь садъ, гдѣ падали капли,
Блѣдна была твоя щека
И какъ цвѣты глаза синѣли.

Уже полураскрытыхъ устъ
Я избѣгалъ касаться взглядомъ,
Но былъ еще блаженно пустъ
Тотъ дивный міръ, гдѣ шли мы рядомъ.

28. IX. 17

Бѣлыя круглятся облака,
Небо въ нихъ сгущается, чернѣя...
Какъ весной стройна и высока
Въ этомъ небѣ мраморномъ аллея!

Сѣрый стволъ на солнцѣ позлащенъ,
А вершины встали сизымъ дымомъ...
Помню, помню: жаркій день подъ Римомъ,
Мраморный апрѣльскій небосклонъ...

29. IX. 17.

Мы съли у печки въ прихожей,
Одни, при угасшемъ огнѣ,
Въ старинномъ заброшенномъ домѣ,
Въ степной и глухой сторонѣ.

Жаръ въ печкѣ угрюмо краснѣеть,
Въ холодной прихожей темно,
И сумерки, съ ночью мѣшаясь,
Могильно синѣютъ въ окно.

Ночь — долгая, хмурая, волчья,
Кругомъ все снѣга и снѣга,
А въ домѣ лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.

Презрѣннаго, дикаго вѣка
Свидѣтелемъ быть мнѣ дано,
И въ сердцѣ моемъ такъ могильно,
Какъ мерзлое это окно.

Сорвался вихрь, промчалъ изъ края въ край
По рощамъ пальмъ кипящій ливень дымомъ —
И снова солнце въ блескъ нестерпимомъ
Ударило на зелень мокрыхъ вай.

И туча, противъ солнца смоляная,
Надъ рощами вздвигалась какъ стѣна
И радуга горитъ на ней цвѣтная,
Какъ входъ въ Эдемъ роскошна и страшна.

1. X. 17

Осенний день. Степь, балка и корыто.
Рогатый волъ, большой соловый быкъ,
Скользнувъ въ грязи и раздвоивъ копыто,
Къ водѣ ноздрями влажными приникъ:

Сосеть и смотреть свѣтлыми глазами,
Закинувъ хвостъ на свой костлявый задъ,
Какъ вдоль бугра, въ пустой небесный скать,
Бредутъ хохлы за тяжкими возами.

1. X. 17

Щеглы, ихъ звонъ, стеклянный, неживой,
 И клень надъ облетѣвшею листвою,
 На пустотѣ лазоревой и чистой,
 Уже весь голый, легкій и вѣтвистый...
 О, мука мукъ! Что надо мнѣ, ему,
 Щегламъ, листвѣ? И развѣ я пойму,
 Зачѣмъ я долженъ радость этой муки,
 Вотъ этотъ небосклонъ и этотъ звонъ
 И темный смыслъ, которымъ полонъ онъ,
 Вмѣстить въ созвучіи и звуки?
 Я долженъ взять — и, разгадавъ, отдать,
 Мнѣ кто-то долженъ сострадать,
 Что пригрѣваетъ солнце низкимъ свѣтомъ
 Меня въ саду, просторномъ и раздѣтомъ,
 Что озаряетъ желтая листва
 Вѣтвистый клень, что я едва-едва,
 Бродя въ восторгѣ по саду пустому,
 Мою тоску даю понять другому...
 — Беру большой зубчатый листь съ тугимъ
 Пурпурнымъ стеблемъ, — пусть въ моей тетради
 Останется хоть память вмѣстѣ съ нимъ
 Объ этомъ свѣтломъ вертоградѣ
 Съ травой, хрустящей бѣлымъ серебромъ,
 О пустотѣ, сіяющей надъ кленомъ
 Безжизненно-лазоревымъ шатромъ,
 И о щеглахъ съ хрустально-мертвымъ звономъ!

Этой краткой жизни вѣчнымъ измѣненьемъ
Буду неустанно утѣшаться я, —
Этимъ раннимъ солнцемъ, дымомъ надъ селеньемъ,
Въ свѣжемъ паркѣ листьевъ медленнымъ паденьемъ
И тобой, знакомая, старая скамья.

Будущимъ поэтамъ, для меня безвѣстнымъ,
Богъ оставитъ тайну — память обо мнѣ:
Стану ихъ мечтами, стану безтѣлеснымъ,
Смерти недоступнымъ, — призракомъ чудеснымъ
Въ этомъ паркѣ розовомъ, въ этой тишинѣ.

10. X. 17.

Какъ въ апрѣлѣ по ночамъ въ аллеѣ,
И все тоньше верхнихъ сучьевъ дымъ
И все легче, ближе и виднѣе
Поблѣднѣвшій небосклонъ за нимъ.

Этотъ верхъ въ созвѣздыяхъ, въ ихъ узорахъ,
Дымчатый, воздушный и сквозной,
Этихъ листьевъ подъ ногами шорохъ,
Эта грусть — все то же, что весной.

Снова наканунѣ. И съ годами
Сердце не считается. Иду
Молодыми, легкими шагами —
И опять, опять чего то жду.

10. X. 17.

Звѣзда дрожить среди вселенной...
Чьи руки дивныя несутъ
Какой-то влагой драгоцѣнной
Столь переполненный сосудъ?

Звѣздой пылающей, потиромъ
Земныхъ скорбей, небесныхъ слезъ
Зачѣмъ, о Господи, надъ міромъ
Ты бытіе мое вознесъ?

22. X. 17.

Въ дачномъ креслѣ, ночью, на балконѣ...
 Океана колыбельный шумъ...
 Будь довѣрчивъ кротокъ и спокоенъ,
 Отдохни отъ думъ.

Вѣтеръ проходящій, уходящій,
 Вѣющій безбрежностью морской...
 Есть ли Тотъ, Кто этой дачи спящей
 Сторожить покой?

Есть ли Тотъ, Кто должной мѣрой мѣритъ
 Наши знанья, судьбы и года?
 Если сердце хочетъ, если вѣритъ,
 Значить — да.

То, что существуетъ, существуетъ.
 Вотъ ты дремлешь и въ глаза твои
 Такъ любовно мягкій вѣтеръ дуетъ —
 Какъ-же нѣтъ Любви?

И цвѣты, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срокъ настанетъ — Господь сына блуднаго спроситъ:
«Былъ ли счастливъ ты въ жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вотъ эти
Полевые пути межъ колосьевъ и травъ —
И отъ сладостныхъ слезъ не успѣю отвѣтить,
Къ милосерднымъ колѣнямъ припавъ.

14. VII. 18.

Древняя обитель супротйвъ луны
На лѣсистомъ взгорьѣ, надъ рѣчными водами,
Блѣдно-синеватый мѣлъ ея стѣны,
Мраморъ неба, бѣлый, съ синими разводами.

А на этомъ небѣ, въ этихъ облакахъ,
Глубину небесную въ черноту сгущающихъ, —
Храмы въ златокованныхъ мелкихъ шишакахъ,
Райскою красою за стѣной мерцающихъ.

20. VII. 18.

На дачѣ тихо, ночь темна,
Туманны звѣзды голубыя,
Вдыхая, ширится волна,
Цвѣты качаются слѣпые,

И часто съ вѣтромъ, до скамьи,
Какъ нѣкій духъ въ эфирной плоти,
Доходятъ свѣжія струи
Волны, вдыхающей въ дремотѣ.

13. IX. 18.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стѣны,
 Въ часъ полуденный,
 Адамій съ женой Еввой скорбитъ:
 Высока, бѣла стѣна райская,
 Еще выше того черные купарисы за ней,
 Густа, ярка синь небесная;
 На той-ли стѣнѣ павлины сидятъ,
 Хвосты цвѣтутъ ярю-зеленю,
 Головки въ зубчатыхъ вѣнчикахъ;
 На тѣхъ-ли купарисахъ птицы вѣщія
 Съ очами дивными и грозными,
 Съ голосами ангельскими,
 Съ красою женскою,
 На головкахъ свѣчи восковыя теплятся
 Золотомъ-пламенемъ;
 За тѣми купарисами пахучими —
 Бѣлый соборъ апостольскій,
 Бѣлый храмъ въ золоченыхъ маковкахъ,
 Обитель отчая
 Со души праведныхъ,
 Убійныхъ Антихристомъ:
 — Исусе Христе, Миленькій!
 Прости душу непотребную!
 Вороти въ обитель отчую!

МОСКВА

Темень, холодъ, предразсвѣтнй
Ранній часъ.
Храмъ невзрачный, непримѣтнй,
Въ узкихъ окнахъ точки желтыхъ глазъ.

Опустѣла, оскудѣла паперть,
Въ храмѣ тоже пустота,
Черная престоль покрыла скатеръ,
За завѣсой царскія врата.

Въ храмѣ стѣны потомъ плачуть,
Тусклы ризы алтарей.
Нищѣ въ лохмотья руки прячуть,
Робко жмутся у дверей.

Темень, холодъ, буйныхъ галокъ
Ранній крикъ.
Снѣжный городъ древень, мрачень, жалокъ,
Нищъ и дикъ.

12. IX. 19.

РУССКАЯ СКАЗКА

В о р о н ь.

Ну, что, бабушка, какъ спасаешься?
У тебя-ль не рай, у тебя-ль не медь?

Я г а.

Ахъ, залетный гость! Издѣваешься!
Ужъ какой тамъ медь — шкуру песь дереть!
Лѣсь гудить, свистить, нагоняетъ сонъ,
Ночь и день стоитъ надъ волной туманъ,
Окружень со всѣхъ съ четырехъ сторонъ
Тьмой да мгой сырой островокъ Буянь.
А еще темнѣй мой прогнившій срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй,
А въ окно глядитъ только голый дубъ,
Подъ какимъ яйцо закопалъ Кошей.
Я состарилась, изболѣла вся,
Сохраняючи чортовъ тотъ ларець!
Будь огонь въ свѣтцѣ — я-бъ погрѣлася,
Будь капустный клокъ — похлебала-бъ щецъ.
Да огонь-то, вишь, въ океанѣ — вѣсть,
Да не то что щецъ — нѣту прѣлыхъ лыкъ!

В о р о н ь.

Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

МОРФЕЙ

Прекрасенъ твой вѣнокъ изъ огненнаго мака,
 Мой Гость таинственный, жилецъ земного мрака.
 Какъ блѣденъ смуглый ликъ, какъ дологъ грустный
 взоръ,

Глядящій на меня и кротко и въ упоръ,
 Какъ страшень смертному безгласный часъ Морфея!

Но сказочно цвѣтеть, во мракъ пламенѣя,
 Божественный вѣнокъ и къ радостной странѣ
 Уводитъ онъ меня, гдѣ все доступно мнѣ,
 Гдѣ нѣтъ преградъ земныхъ моимъ надеждамъ вешнимъ,
 Гдѣ снюсь я самъ себѣ далекимъ и нездѣшнимъ,
 Гдѣ не дивить ничто — ни даже ласки той,
 Съ кѣмъ Богъ насъ раздѣлилъ могильною чертой.

26. VII. 22.

СИРИУСЪ

Гдѣ ты, звѣзда моя завѣтная,
Вѣнецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

Гдѣ вы, скитанія полночныя
Въ равнинахъ свѣтлыхъ и нагихъ,
Надежды, думы непорочныя
И радость вымысловъ моихъ?

Пылай, играй стоцвѣтной силою,
Неугасимая звѣзда,
Надъ дальнею моею могилою,
Забытой Богомъ навсегда!

22. VIII. 22.

Зачѣмъ плѣняется старая могила
Блаженными мечтами о быломъ?
Зачѣмъ зеленымъ клонится челомъ
Та ива, что могилу осѣнила,
Такъ горестно, такъ нѣжно и свѣтло,
Какъ будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И въ лонѣ всепрощенія, забвенья
Небесными цвѣтами поросло?

25. VIII. 22.

Въ полночный часъ я встану и взгляну
На блѣдную высокую луну
И на заливъ подъ нею и на горы,
Мерцающія снѣгомъ вдаль...
Внизу вода чуть блещетъ на пескѣ,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океанъ...

Позналъ я, какъ ничтожно и не ново
Пустое человѣческое слово,
Позналъ надеждъ и радостей обманъ,
Тщету любви и терпкую разлуку
Съ послѣдними, немногими, кто миль,
Кто близостью своею облегчилъ
Ненужную для міра боль и муку,
И эти одинокіе часы
Безмолвнаго полуночнаго бдѣнья,
Презрѣнія къ землѣ и отчужденья
Отъ всей земной безсмысленной красы.

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утрѣ дней моихъ,
Толпились какъ стада оленей
У заповѣдныхъ водъ рѣчныхъ:

Малѣйшій звукъ въ зеленой чащѣ —
И вся ихъ чуткая краса,
Весь сонмъ блаженный и дрожащій
Ужъ мчался молніей въ лѣса!

26. VIII. 22.

Все снится мнѣ заросшая травой,
Въ глуши далекой и лѣсистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая въ этотъ мшистый
Приютъ церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь ихъ міръ нечистый
Для тишины сей вѣковой!
Мечъ нашей славы, мечъ священный
Сними съ бедра, — онъ лишній въ эти дни,
Въ твой вѣкъ безстыдный и презрѣнный.
Передъ Распятымъ голову склони
Въ знакъ обрученія со схимой,
Съ затворомъ межъ гробами, — и храни
Обѣтъ въ душѣ ненарушимо.»

27. VIII. 22.

Печаль рѣсницъ, сіяющихъ и черныхъ,
Алмазы слезъ, обильныхъ, непокорныхъ,
И вновь огонь небесныхъ глазъ,
Счастливыхъ, радостныхъ, смиренныхъ —
Все помню я... Но нѣтъ ужъ въ мірѣ насъ,
Когда-то юныхъ и блаженныхъ!

Откуда-же являешься Ты мнѣ?
Зачѣмъ-же воскресаешь Ты во снѣ,
Несрочной прелестью сіяя,
И дивно повторяется восторгъ,
Та встрѣча, краткая, земная,
Что Богъ намъ даль и тотчасъ вновь расторгъ?

27. VIII. 22.

ВЕНЕЦІЯ

Колоколовъ средневѣковый
Пѣвучій зовъ, печаль времянь,
И счастье жизни вѣчно новой,
И о быломъ счастливый сонъ.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утѣшенье: все пройдетъ!
И золотыя отраженья
Дворцовъ въ лазурномъ глянциѣ водъ.

И дымка млечнаго опала,
И солнце, смѣшанное съ нимъ,
И встрѣчный взоръ, и опахало,
И ожерелье изъ коралла
Подъ катафалкомъ водянымъ.

28. VIII. 22.

Шепнуть заклѣтіе при блескѣ
 Звѣзды падучей я успѣлъ,
 Да что измѣнить нашъ удѣлъ?
 Все тѣ же топи, перелѣски,
 Все та же полночь, дичь и глушь...
 А если бѣ даже Божья сила
 И помогла, осуществила
 Надежды нашихъ темныхъ душъ,
 То что съ того?

Ужъ нѣтъ возврата
 Къ тому, чѣмъ жили мы когда-то.
 Потерь не счесть, не позабыть,
 Пощечинъ отъ солдатъ Пилата
 Ничѣмъ не смыть — и не простить.
 Какъ не простить ни мукъ, ни крови,
 Ни содроганій на крестѣ
 Всѣхъ убиенныхъ во Христѣ,
 Какъ не принять грядущей нови
 Въ ея отвратной наготѣ.

ВХОДЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И съ яростнымъ хрипомъ въ груди,
Съ огнемъ преисподней
Въ сверкающихъ гнойныхъ глазахъ,
Вздувая всѣ жилы на шеѣ,
Вопя все грознѣе,
Калѣка кидается въ прахъ
На колѣни,
Пробившись сквозь шумный народъ,
Ощеривши ротъ,
Щербатый и въ пѣнѣ,
И руки раскинувъ съ мольбой —
О мщеньи, о мщеньи,
О пирѣ кровавомъ для всѣхъ обойденныхъ судьбой —
И Ты, Всеблагой,
Свѣте тихій вечерній,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взоръ,
Ты вступаешь на кроткомъ осляти
Въ роковыя врата — на позоръ,
На пропятъе!

Въ гелиотроповомъ свѣтѣ молній летучихъ
На небесахъ раскрывались дымныя тучи,
На косогорѣ далеко — призракъ дубравы,
Въ мокромъ лугу передъ домою — бѣлыя травы.

Молніи мракомъ топило, съ грохотомъ грома
Ливень свергался на крышу полночнаго дома —
И металлически страшно, въ дикой печали,
Гуси изъ мрака кричали.

30. VIII. 22.

ПАНТЕРА

Черна, какъ копь, гдѣ солнце, гдѣ алмазь.
Брезгливый взглядъ полузакрытыхъ глазъ
Томится, пьянь, мерцаетъ то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.

Томятъ, пьянятъ короткіе круги,
Размѣренно-неслышные шаги, —
Вотъ въ царственномъ презрѣніи ложится
И вновь въ себя, въ свой жаркій сонъ глядится.

Сощурившись, глаза отводитъ прочь,
Какъ бы слѣпить ихъ этотъ сонъ и ночь,
Гдѣ черныхъ копей знойное горнило,
Гдѣ жгучихъ солнць алмазная могила.

9. IX. 22.

ВСТРѢЧА

Ты на плечѣ, рукою обнаженной,
Отъ зноя темной и худой,
Несешь кувшинъ изъ глины обожженной,
Наполненный тяжелою водой.
Съ нагихъ холмовъ, гдѣ стелются сухіе
Сѣдые злаки и полынь,
Глядишь въ просторъ пустынной Куманіи,
Въ морскую вечерѣющую синь.
Все та же ты, какъ въ сказочные годы!
Все тѣ же губы, тотъ же взглядъ,
Исполненный и рабства и свободы,
Умершій на землѣ уже стократъ.
Все тотъ же зной и дикій запахъ лука
Въ тѣлесномъ запахѣ твоемъ,
И та же мучить сладостная мука, —
Безплодное томленіе о немъ.
Черезъ вѣка найду въ пустой могилѣ
Твой крестъ серебряный, и вновь,
Вновь оживетъ мечта о древней были,
Моя неутоленная любовь,
И будетъ вновь въ морской вечерней сини,
Въ ея задумчивой дали,
Все тотъ же зовъ, печаль временъ, пустыни
И красота полуденной земли.

Льетъ безъ конца. Въ лѣсу туманъ.
Качають елки головою:
«Ахъ, Боже мой!» — Лѣсъ точно пьянь,
Пресыщенъ влагой дождевою.

Въ сторожкѣ темной у окна
Сидить и ложкой бьетъ ребенокъ.
Мать на печи, — все спитъ она,
Въ сырыхъ сѣняхъ мычитъ теленокъ.

Въ сторожкѣ грусть, мушиный гудъ...
— Зачѣмъ въ лѣсу звенить овсянка,
Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ
И травы ярки, какъ медянка?

— Зачѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя,
Томясь всѣмъ міромъ и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбитъ о подоконникъ ложкой?

Мычитъ теленокъ, какъ нѣмой,
И клонять горестныя елки
Свой зеленыя иголки:
«Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!»

10. V. 23.

МОРСКАЯ КРАСА

Ужь какъ на-морѣ, на-морѣ,
 На синемъ камени,
 Нагая краса сидить,
 Бѣлыя ноги въ волнѣ студить,
 Зазываетъ съ пути корабельщиковъ:
 — «Корабельщики, корабельщики!
 Что вы по свѣту ходите,
 Понапрасну ищете
 Самоцвѣтнаго яхонта-жемчуга?
 Есть одна въ морѣ жемчужина —
 Моя бѣлая краса,
 Уста жаркія,
 Груды холодныя,
 Ноги легкія,
 Лядвіи тяжелыя!
 Есть одна утѣха не постылая —
 На рукѣ моей спать-почивать,
 Слушать пѣсни мои унывныя!»
 Корабельщики плывутъ, не слушаютъ,
 А на сердцѣ тоска-печаль,
 На глазахъ слезы горючія.
 Ту тоску не заспать, не забыть
 Ни въ пути, ни въ пристани,
 Не отдумать до-вѣку.

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вотъ я, съ нѣжностью, съ тоской,
Дождался радостнаго дня,
Когда ее къ вѣнцу убрали,
И самъ, неловкою рукой,
Поправиль газъ ея вуали.

Глядѣть на чистое чело,
На робкій блескъ невинныхъ глазъ
Мнѣ почему-то тяжело,
Но все жъ блѣднѣю я отъ счастья,
Крестя ее въ послѣдній часъ
На это женское причастье.

Что снится мнѣ потомъ? Потомъ
Она ужъ съ *нимъ*, — какъ страшень онъ! —
Потомъ мой опустѣвшій домъ —
И чувствомъ молодости странной,
Какъ будто послѣ похоронъ,
Кончается мой сонъ туманный.

7. VI. 23.

«Опять холодныя сѣдыя небеса,
Пустынныя поля, набитыя дороги,
На рыжіе ковры похожіе лѣса
И тройка у крыльца и слуги на порогѣ...»

— Ахъ, старая наивная тетрадь!
Какъ смѣлъ я въ тѣ года гнѣвить печалью Бога?
Ужъ больше не писать мнѣ этого «опять»
Передъ счастливою осеннею дорогой!

7. VI. 23

Одно лишь небо, свѣтлое, ночное,
Да ясный кругъ луны
Глядитъ всю ночь въ отверстіе пустое,
Въ руину сей стѣны.

А по ночамъ тутъ жутко и тревожно,
Ночные корабли
Свой держать путь съ молитвой осторожной,
Далеко отъ земли.

Свѣжо тутъ дуетъ вѣтеръ изъ простора
Сарматскихъ дикихъ мѣстъ
И буйный шумъ, подобный шуму бора,
Всю ночь стоитъ окрестъ:

То Понтъ кипить, въ пескахъ могилы роетъ,
Ярится при лунѣ —
И волосы утопленниковъ моетъ,
Влача ихъ по волнѣ.

10. VI. 23.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія...»

О, если бъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ Градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный Градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созданный.

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья.
Россія! Помни-же Петра.
Петръ значить Камень. Сынъ Господній
На Камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней.»

28. I. 25.

1096

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Для Германіи :

**Fremdsprachen-Buchhandlung H. Sachs A. G.
Berlin S. W. 48. Verl. Hedemannstr. 6.**

Для Франціи :

Книжный магазинъ «Москва», 9, rue Dupuytren, Paris (6).